

ДИН КУНЦ

ТАМ,
ГДЕ НАС НЕТ

Литературное чудо... Гобелен, сотканный из интриги
и постоянной атмосферы тревоги.

The Boston Globe

The Big Book

Дин Кунц

Там, где нас нет

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кунц Д. Р.

Там, где нас нет / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20972-5

Суавидад-Бич, маленький провинциальный городок в Калифорнии. Джеффри Колтрейн и Эмити, его одиннадцатилетняя дочь, живущие здесь, никак не могут пережить боль утраты – уже без малого как семь лет пропала без вести Мишель, жена Джеффри. Однажды к ним в руки попадает загадочный артефакт неизвестного назначения, так называемый «ключ ключей», и жизнь Джеффри и Эмити меняется кардинально. В дом к ним приходят с обыском, их преследуют странные люди в черном, беда следует за бедой, и, казалось бы, уже никуда не деться... Вот тогда-то и вступает в действие «ключ ключей», открывает отцу и дочери дверь в иной мир, и, главное, они обретают надежду на то, что Мишель найдется.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20972-5

© Кунц Д. Р., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

В тиши ночной явился гость	6
Часть первая	7
1	7
2	10
3	13
4	15
5	18
6	19
7	21
8	23
9	26
10	28
11	29
12	31
13	33
Часть вторая	37
14	37
15	41
16	44
17	47
18	50
19	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дин Кунц Там, где нас нет

Dean Koontz
ELSEWHERE

Copyright © 2020 by the Koontz Living Trust

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Полошак
Оформление обложки Егора Саламашенко

Серия «The Big Book»

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Ричарду Пайну и Ким Уизерспун,
а также
Ким Уизерспун и Ричарду Пайну.
Познакомься я с ними раньше,
они удержали бы меня
от множества глупых поступков*

*Не счесть миров и дел не счесть,
не счесть твоих ролей.
Альфред Теннисон*

В тиши ночной явился гость

Дверь ему не нужна, и до включенной сигнализации ему тоже нет дела. Гость входит в библиотеку в три часа ночи, издавая шума не больше, чем здешние призраки – что из пьес Шекспира, что из рассказов Расселла Керка. В проходах между стеллажами пусто. Все укромные уголки неоглядного зала окутаны тьмой. Библиотекари давно разбрелись по домам и спят в своих постелях. Уборщица ушла час назад. В воздухе пахнет чистящим средством с ароматом сосновых иголок, полиролью для дерева и лежалой бумагой.

По этому лабиринту знаний не рыщет страж-минотавр, но гостю все равно не по себе. Многие сочтут библиотеку убежищем от мирской суеты. Многие, но не гость. Он повидал немало жутких вещей, от которых волосы встают дыбом. Ему известно, что на свете не бывает безопасных мест.

Такие, как он, – знатоки не одной, но множества историй – нередко принимают смерть среди книг. Библиотекари и прочие апологеты письменного слова не раз получали пулю или нож в спину, их сжигали заживо или загоняли в концлагеря, где морили пытками и непосильным трудом. В библиотеках небезопасно, ибо на здешних полках не только книги, но и идеи – о справедливости, свободе, истине, вере и многом другом. Некоторые считают эти идеи крамольными. В любой политической фракции есть свои книгосжигатели. Им известно, где добыть топливо, когда настанет их звездный час.

Ночной гость знает этот городок под названием Суавидад-Бич, знает во всех его проявлениях, но не уверен, что найдет здесь то, что ищет. Прибыв сюда напрямик из другой библиотеки, он первым делом включает фонарик. Прикрывает свет ладонью, чтобы луч не доставал до окон под потолком, идет в компьютерный уголок, садится за клавиатуру.

Открывает браузер, идет на «Фейсбук», находит нужную страницу. На ней забавные посты Джеффри Колтрейна и его одиннадцатилетней дочери Эмити, но жена Мишель ничего не пишет. Еще на странице есть фотографии Джеффри и Эмити, но нет ни одного снимка Мишель. Как будто она давно умерла, думает гость, волнуясь все сильнее.

Идут минуты. Негромко тикают часы на стене огромного зала. Гость роется в общественных архивах Суавидад-Бич – ищет запись о смерти этой женщины, но не находит.

Находит, однако, другую запись: цифровое заявление, поданное в муниципальный суд Суавидад-Бич. Джеффри Колтрейн желает расторгнуть брак с Мишель. Он не видел жену уже больше семи лет. Ничего о ней не слышал, но не просит, чтобы Мишель признали умершей. Он хочет лишь освободиться от уз брака. Джеффри из тех, кто до самого конца надеется на лучшее. Его заявление красноречиво, исполнено глубокой печали и в то же время дышит неизбывным оптимизмом.

Разумеется, надежды Джеффри наивны. Гость повидал немало мертвецов. Не раз бывал свидетелем жесточайшей бойни. В нынешнем случае сомнений нет: Мишель мертва. Ее смерть – одновременно и трагедия, и повод для ликования.

Гость выключает компьютер. Какое-то время сидит в темноте. Размышляет о жизни, смерти и о том риске, на который идет человек, вознамерившийся обвести судьбу вокруг пальца.

В десять минут пятого гость выходит из библиотеки – тем же путем, что пришел. Дверь ему не нужна, и до включенной сигнализации ему тоже нет дела.

Начинается одиннадцатый день апреля.

Часть первая

Ключ ключей

1

Иногда – в безоблачные ночи, когда луна плыла к западу, оставляя на черных водах океана россыпь мерцающих огоньков, а воздух был так чист, что далекие звезды светили чуть ли не ярче Венеры, и над планетой нависали бесчисленные галактики, – зачарованный Джеффи Колтрейн был уверен, что вот-вот случится чудо. Он был трудолюбивым человеком, долгов не имел, но слыл мечтателем. В тот дивный вечер, в среду, в одиннадцатый день апреля, воздух был напитан ароматом чуда с легкими нотками неожиданной беды.

Был отлив. Поужинав в любимом кафе, Джеффи и его одиннадцатилетняя дочь Эмити сняли кроссовки и носки, закатали джинсы, вошли в воду и направились к гладким от вечного прибоя скалам на севере от центра Суавидад-Бич, что в Калифорнии. Сели рядом, подтянув ноги к груди, обняв колени, глядя на запад – туда, где Дальний Восток, где в тысячах миль отсюда Япония, где тоже вечер, только завтрашний.

– Не планета, а машина времени, – сказала Эмити.

– То есть?

– Часть мира в прошлом, часть – в будущем, а в Японии сейчас завтрашний вечер.

– Может, тебе рвануть в Токио? Пожить там с месяцок. Каждый день звонить мне и рассказывать о результатах завтрашних скачек на ипподроме Санта-Анита.

– Ага, – сказала она. – Так не бывает. Иначе все жульничали бы на скачках. И безумно разбогатели бы.

– Или скачек не было бы вовсе. Представь: ипподромы закроются, а твои любимые лошадки останутся без работы.

– Ты знаешь, каково это.

– Что именно?

– Никогда не жульничать. Проще всего всегда поступать по-честному.

– Ты же не сама выдумала эту фразу? Где-то подслушала, верно?

– Скажем так: мне хорошенько заморочили голову.

– Отцы не морочат детям голову.

– Да ну? Что еще скажешь?

– Нет, правда. Я не очень-то люблю морочить людям голову. Вот припудрить мозги – другое дело.

– А разница?

– Иной раз, когда тебе пудрят мозги, ты этого даже не замечаешь.

– Все я замечаю, – сказала Эмити. – У тебя что ни слово, то пудра для мозгов.

– Угнетенная ты моя.

– А куда деваться? – вздохнула она.

Джеффи с улыбкой покачал головой. Его, мечтателя, часто посещало предчувствие чуда. А чудо тем временем случилось одиннадцать лет назад. Чудо по имени Эмити.

Со стороны океана дул легкий ветерок. Тянуло солью, а еще – Джеффи верил, более того, он знал – экзотическими ароматами далеких стран, такими тонкими, что обоняние их не улавливало. Скорее, угадывало.

– Значит, это был правильный выбор? – спросила, помолчав, Эмити. – Ждать семь лет?

– Семь лет поддерживать пламя надежды? Да. Надежда – всегда правильный выбор.

– А ждать еще семь лет – это что, неправильно?

– Я никогда не перестану надеяться, милая. Но в конце концов пора перелистнуть эту страницу.

Семь лет назад, когда Эмити было четыре, Мишель ушла. Сказала, что в душе у нее пусто. Что вся ее жизнь сложилась не так, как надо. Ей нужно было направить свою судьбу в нужное русло, а потом уже вернуться к мужу и дочери.

С тех пор о ней ничего не слышали.

Как и Джеффи, Мишель Джеймисон родилась и выросла в солнечном Суавидад-Бич. Наверное, чувство, что жизнь идет не так, как надо, зародилось в душе Мишель, когда ее мать умерла при родах.

Двадцать два года спустя, сразу после рождения Эмити, отец Мишель – контролер энергетической компании – проверял трансформатор в катакомбах и погиб от удара током.

С тех пор день рождения Эмити всегда напоминал Мишель о смерти отца (его она очень любила) и матери (ведь та тоже умерла в день рождения, только не Эмити, а самой Мишель). Жена Джеффи не была пессимисткой, не страдала от депрессии – совсем наоборот, любила пошутить и лучилась жизненной энергией. Но иногда ей казалось, что родной город населен призраками, что прошлое давит на плечи тяжелым грузом и, чтобы избавиться от этого чувства, нужно уехать отсюда.

Вот она и уехала, чтобы найти себя. Похоже, так и не нашла.

Джеффи пробовал ее отыскать, но его старания ни к чему не привели. Частный сыщик, которого он нанял семь лет назад, лишь развел руками – так же как и сыщик, нанятый в прошлом году. Если целеустремленная женщина решила изменить свою жизнь, она способна запутать следы, и поиски потребуют серьезных ресурсов, а их у Джеффи не было. Мишель – не знавшая матери, потерявшая отца после рождения Эмити, утратившая веру в свою мечту (она мечтала профессионально заниматься музыкой) – оказалась очень ранимой. Раньше Джеффи даже не представлял насколько. Корил себя за черствость и постоянно думал, что нельзя было ее отпускать.

Мишель пропала уже давно. По закону суд мог признать ее умершей, но Джеффи не решался на этот мрачный шаг. Отказывался верить, что Мишель мертва. Надеялся, что она живет новой, счастливой жизнью. А раз надеялся, значит так оно и должно быть. Надежда – мощная штука. Поэтому Джеффи рискнул лишь расторгнуть брак.

На этой неделе его заявление наконец рассмотрели и одобрили.

Не сказать чтобы в свои тридцать четыре года он собирался начать жизнь с чистого листа. Он просто восстанавливал силы. И по-прежнему не снимал обручального кольца.

Ленивые волны омывали скалу, где сидели они с дочерью, а с пляжа доносился шепот прибоя, словно океан рассказывал берегу свои секреты.

– Что, если мама однажды вернется? Снова женишься на ней?

Они давно смирились с этой утратой. Не чувствовали ни горя, ни обиды. Когда речь заходила о Мишель, обоих накрывала сладкая тоска, присоленная ностальгией: они думали не о том, что случилось, а о том, что могло бы произойти. Правильно говорят: время – лучший лекарь. Шрам останется навсегда, но теперь можно коснуться его, не опасаясь, что от боли перехватит дыхание.

– Не уверен, что мама снова выйдет за меня, милая. Ей нужен был другой муж, не я.

– Знаешь что? На твой счет она ошибалась.

– Не факт. Мы оба мечтатели, но мечтали о разном. Она – о реальных вещах. Хотела стать автором-исполнителем, записывать собственные песни, сделать карьеру в музыке. Я же... Я мечтаю оказаться в тридцатых годах прошлого века, побывать на концерте Бенни Гудмана в Манхэттен-рум гостиницы «Пенсильвания» в Нью-Йорке. Или в мирах, которых не было и не будет, мирах Толкина и Хайнлайна. Я люблю биг-бенды и хоббитов. Меня хлебом не

корми, дай поглазеть на чудеса. Твоя мама... она умела сотворить собственное чудо. Прекрасную музыку. Я обожал ее песни, высоко их ценил, но ей нужна была настоящая аудитория. Побольше, чем один человек.

– На твой счет она ошибалась, – повторила Эмити обезоруживающим тоном.

Она не сердилась, но говорила на редкость убедительно.

На самом деле Мишель ошибалась лишь в одном: что найдет смысл жизни ценой расставания с семьей. Само существование Эмити оправдывало жизнь ее родителей на все сто. Джеффи не стал говорить об этом дочери. Он неплохо знал ее, да и себя тоже, и понимал, чем закончится такой разговор. Не стоит портить послекусие от прекрасного ужина и доводить дело до слез. На звезды и море лучше смотреть сухими глазами.

– Покажи Большой Ковш, – попросила Эмити.

– Его еще называют Большой Медведицей. – Он обнял дочь, обвел глазами небо, нашел ручку ковша, указал на нее пальцем, очертил все созвездие. – В начале времен этим ковшом зачерпывали другие звезды, чтобы разбросать их по небу.

Через несколько минут они вернулись на берег, сели на камень и обулись.

До дома было полчаса ходьбы. Вечер выдался теплый, путь лежал мимо витрин магазинов и художественных галерей, и чего там только не было, в этих витринах. Джеффи всегда считал, что опоздал родиться, и поэтому не без удивления рассматривал так называемое «высокое искусство» нынешней никчемной эпохи.

Первый из семи домов в переулке Тенистого Ущелья, что пересекается с улицей Полых Дубов, был исполнен в викторианском стиле и походил на свадебный торт: с двумя башенками, покатой крышей и слуховыми окошками. На оконных рамах богатые резные наличники, а вокруг – вековые дубы. Дом принадлежал Боннерам: Марти и Дорис. Милые люди и вовсе не такие претенциозные, как их жилище. Они уехали в отпуск, а ключ оставили Джеффи.

Их с Эмити дом был одноэтажным. Кровля шиферная, стены из местного песчаника. Их сложил сам Джеффи: отец у него был каменщик. Янтарные лампочки в кракелюрных плафонах заливали веранду теплым узорчатым светом. Верхушки пальм, седые от лунного сияния, перешептывались с соседками, а легкий бриз подсказывал им темы для разговора.

На веранде стояли два кресла-качалки. Одно было занято.

– Дядя Страшила, – сказала Эмити.

2

Человек, которого Эмити назвала «дядя Страшила», представлялся как Эд. Просто Эд, без фамилии. Он был бездомный. Жил в лагере неподалеку от переулка, там, где заканчивался асфальт и начинался лес. Появился здесь где-то с год назад и приходил в гости как минимум дважды в месяц, всякий раз без приглашения.

Джеффи его не боялся. Ведь сам он крепкий рослый парень, шесть футов два дюйма, тридцать четыре года, вполне себе в форме, а Эд старше его лет на тридцать, ниже дюймов на шесть, а форма у него как у глины для детских поделок. Старик был эксцентричный (хотя психом не назовешь), но никогда не проявлял ни малейшей агрессии.

Тем не менее Джеффи сказал «Добрый вечер, Эд» и тут же препроводил Эмити в дом. Дождался, пока она замкнет дверь и включит свет в прихожей, после чего уселся во второе кресло-качалку. Гость заранее подвинул его так, чтобы оба сидящих на веранде смотрели друг на друга. Джеффи никогда не оставлял Эмити одну дома и всегда брал ее с собой – в наше-то время. Не только из-за Эда. Сказать по правде, вовсе не из-за Эда.

Калифорния переживала не лучшие времена. Популяция бездомных – по большей части психопатов и наркоманов – росла в геометрической прогрессии. Взяточники-политиканы плевать хотели на интересы местных жителей. Заботились лишь о том, как бы сохранить власть, продавить собственную идеологию и потратить миллиарды долларов на решение проблемы с бездомными, тем самым набивая карманы своих друзей, в то время как бродяг становилось все больше.

Когда их лагерь разрастались, власти, озаботившись вопросами здравоохранения и общественной безопасности, начинали принимать меры, то есть изгонять людей с палатками и спальными мешками за пределы Суавидад-Бич, в лесополосу, чтобы разделить один большой лагерь на несколько маленьких, расположенных подальше друг от друга и не привлекающих к себе лишнего внимания.

Эд был взъерошен и небрит, но разительно отличался от других бедолаг, оказавшихся без крыши над головой. Зубы у него были здоровые, улыбка сверкающая, и еще от него не воняло, ведь Эд ежедневно ходил в город, чтобы принять душ и постираться в бесплатной прачечной, общественной или церковной. Вместо бесформенного спортивного костюма, мешковатых джинсов и толстовки с капюшоном он всегда носил слаксы с аккуратно заправленной в них рубашкой, пиджак свободного покроя и галстук-бабочку. Сегодня вечером на нем была клетчатая рубашка и бабочка в горошек. Смелое сочетание. С другой стороны, вряд ли Эд попадется на глаза людям, искушенным в вопросах стиля. Никто не изогнет бровь и не отпустит в его адрес какую-нибудь колкость.

Эд утверждал, что не употребляет спиртного, разве что балует себя изысканным каберне-совиньоном, но гораздо реже, чем хотелось бы. Он был разборчив в напитках, предпочитал вино самого лучшего качества, но редко мог позволить себе такую роскошь, ведь хорошая бутылка – дорогое удовольствие. К наркотикам Эд был равнодушен: по его словам, никогда не принимал ничего сильнее аспирина.

Джеффи ему верил. Ему нравилось, что старик никогда не жалуется на судьбу, не ищет оправдания своему статусу, не пытается объяснить, как стал бездомным. Его проблемы – это его личное дело. Казалось, он был бродягой с самого рождения. Кастовый бомж, как сказали бы в Индии прошлого века.

Время от времени Эд заходил к Колтрейнам – по большей части чтобы поговорить о животных и птицах, населявших лесистый каньон. К тому же он неплохо разбирался в истории и любил порассуждать, каким стал бы мир, если бы в прошлом человечество, оказавшись на развилке, выбрало иной путь. Еще Эд интересовался поэзией: знал наизусть множество стихов,

от Шекспира и По до японских мастеров хайку. Надолго он не задерживался и никогда не надоедал хозяевам дома – должно быть, потому, что разум у него был весьма кипучий и на долгие разговоры не хватало терпения. Или же Джеффи был для него не самым интересным собеседником.

– Как поживаете, Эд?

– Умираю с того самого дня, когда родился. Так же как вы. И жить мне осталось всего ничего.

Мрачное расположение духа было столь же типично для Эда, как и кустистые седые брови. Их он никогда не подстригал.

– На вид вы бодрячком, – сказал Джеффи. – Надеюсь, не приболели?

– Нет-нет, Джеффри. Не приболел. На меня открыли охоту.

Джеффри. Так его не называл никто, кроме Эда да еще пары-тройки учителей в начальной школе. Несмотря на внушительный рост и завидную мускулатуру, у Джеффи была одна особенность: окружающие видели в нем вечного мальчишку. Потому и «Джеффи»: так в детстве ласково называла его мать. Он не обижался. Ему нравилось быть собой, и он понимал, что никогда не станет кем-то другим. Раз уж тебе подходит имя Джеффи, будешь носить его отныне и во веки вечные, до самой гробовой доски. Нормальное, кстати, имя.

– Открыли охоту? – спросил Джеффи. – Кто?

Эд нахмурился. Роскошные брови сошлись в белоснежную гусеницу, а глубоко посаженные глаза, те и вовсе утонули в глазницах.

– Лучше вам не знать. Жажда знаний – больше, больше, хочу знать больше, хочу знать все на свете – это прямой путь к гибели. Знание – сила, Джеффри, но чем больше знаешь, тем выше задираешь нос. Перестаешь смотреть под ноги. Смотрите под ноги, Джеффри. Не упивайтесь лишними знаниями, не позволяйте им свести вас в могилу.

– Лишними знаниями я похвастаться не могу, – заверил его Джеффи. – Так что в могилу меня скорее сведет невежество.

Не ответив, Эд подался вперед, вытянул шею и стал похож на выглядывающую из панциря косматую черепаху. Он смотрел на Джеффи так, словно перед ним был не человек, а творение скульптора-авангардиста и Эд никак не мог понять, что хотел сказать автор, изваявший столь причудливую фигуру.

Джеффи не впервые чувствовал на себе этот пристальный взгляд. Он понимал: Эд не продолжит разговора, пока не соберется с силами. Сейчас правильнее всего нацепить улыбку и терпеливо ждать.

Вдалеке, за деревьями, на улице Полых Дубов заунывно гудели автомобильные моторы, – наверное, с похожим звуком какой-нибудь почтенный левиафан отходит в мир иной.

На дубах переухивались любопытные совы.

Наконец Эд откинулся на спинку кресла, но физиономия его оставалась хмурой. Пышные брови все еще налезали одна на другую, словно двое совокупляющихся насекомых.

Нагнувшись, Эд поднял с пола картонную коробку. Ее Джеффи до сих пор не замечал. Коробка была квадратная, двенадцать на двенадцать дюймов. В прошлом белая, но теперь грязноватая и пожелтевшая от времени. Крышка сидела как влитая, но для верности коробка была перевязана бечевкой.

Эд взял коробку обеими руками, поставил на колени и уперся в нее взглядом – теперь уже не мрачным, а скорее испуганным. Иногда левая рука его едва заметно дрожала, и теперь подушечки пальцев непроизвольно постукивали по картону.

Вот Эд поднял голову, посмотрел Джеффи в глаза и сказал:

– Здесь ключ.

– Что за ключ? – спросил Джеффи, выдержав должную паузу.

– Ключ ключей.

- Судя по названию, важная штука.
- Нельзя, чтобы ключ попал к ним в лапы.
- К ним? К кому?
- Лучше не знать, – повторил Эд. – В общем, передаю его вам.

Джеффи поднял руки ладонями к собеседнику, изображая вежливый отказ:

– Очень мило с вашей стороны, Эд, но я не могу его принять. У меня уже есть ключ от дома. И ключ от машины. Других ключей мне не нужно. К тому же, по вашим словам, это не просто ключ, а ключ ключей, и я не знаю, что с ним делать.

– Нет-нет. – Эд схватил коробку и прижал ее к груди. – С ним нельзя ничего делать. Ничего, слышите? Ни в коем случае не открывайте коробку. Никогда, ясно?

Эд всегда был человеком с причудами, но теперь Джеффи видел, что перед ним не просто чудак. Этот человек переступил черту между экстравагантностью и серьезным психическим расстройством.

3

Дядя Страшила был не страшный. Скорее, странный. Эмити не боялась, что он набросится на нее с бензопилой или тесаком для рубки мяса, – нет, ничего подобного. Не было нужды запираť входную дверь, но когда речь заходит о дочкиной безопасности, папа становится форменным параноиком. Кстати говоря, это выглядит довольно мило. Эмити понимала, что даже сейчас, семь лет спустя, он не до конца справился с потерей жены и побаивался, что потеряет еще и дочь. Наверное, всегда будет опекать ее сверх всякой меры. Даже когда Эмити стукнет сорок, и у них с Джастинот Дакотой – вон он, живет через три дома и не знает, что в один прекрасный день сгодится ей в мужья, – будет трое ребятишек, и она будет жить на вершине холма, в шикарном особняке с видом на океан, потому что Джастин к тому времени станет кинозвездой или хай-тек-кудесником (и у тех и у других денег куры не клюют), а Эмити – знаменитой писательницей, и у семейства Дакота будет первостатейная охрана – целая армия телохранителей, – папа каждый вечер будет заходить в гости, чтобы лично проверить, надежно ли закрыты все двери и окна, подоткнуть дочке одеяло и напомнить, что если незнакомец угощает конфетой, от такого незнакомца надо бежать куда подальше. Папа у нее очень хороший, и Эмити любит его всем сердцем, честное слово. Но однажды, через несколько лет, им предстоит серьезный разговор. Придет пора терпеливо объяснить, что от его заботы уже не продохнуть, да и на отношениях такая гиперопека сказывается не самым лучшим образом. Кстати говоря, потихоньку начинает сказываться. Ведь Эмити уже не одиннадцать. Ей почти двенадцать.

Закрыв дверь на замок и включив свет, она прошла мимо гостиной с глубокими креслами и множеством книжных полок. Эмити с отцом обожали фэнтэзи. Стены коридора были увешаны постерами в стиле ар-деко: реклама шампанского «Теттенже» и белой ваксы для обуви «Энджелес», фотография автомобиля «плимут» 1934 года, афиша парижского ночного клуба: шоу 1925 года, на сцене Жозефина Беккер. Дальше по коридору – отцовская мастерская, где он наводит лоск на бакелитовые радиоприемники, возвращает этих красавцев к жизни и возится с другими коллекционными вещами. За мастерской, в глубине дома, – комната Эмити. Там ее ждет Снежок.

На ночь или когда Эмити с отцом уходили в кафе, Снежка запирали в клетке, и вовсе это не жестоко: клетка была просторная, с беговым колесом, а Снежок, крохотная белая мышка, запросто умещался у Эмити на ладони. Снежок был очень воспитанный. Его можно было посадить в карман куртки и взять с собой куда угодно, и он никогда не высовывался на свет, разве что Эмити сама его доставала. Он ни разу не испачкал ей карман – не написал, не накакал, а даже если оплошает, невелика беда: весит Снежок не больше четырех унций, и продуктов жизнедеятельности от такого малютки совсем немного.

Шубка у него белоснежная, глазки чернее чернил, а хвостик светло-розовый. Будь Эмити Золушкой, Снежок обращивался бы великолепным скакуном, чтобы возить ее в красивой карете. Вот он какой, Снежок. Настоящий джентльмен, совсем не такой, как домовые мыши, от которых один вред и никакой пользы.

Теперь же, включив телевизор и выбрав диснеевский мультфильм (Эмити смотрела его уже много раз и точно помнила, что в нем нет ни одной кошки), она достала Снежка из клетки. Села в кресло, а Снежок какое-то время бегал у нее по рукам, по плечам, то и дело замирал и смотрел на хозяйку влюбленным взглядом, – по крайней мере, Эмити видела в его горящих глазах безмерное обожание. Наконец он спустился к ней на колени, лег на спинку и впал в экстатический транс, подставив животик под ласковые пальцы Эмити.

Снежок. Первый шаг к собаке.

Эмити хотела собаку, и папа был не против купить ей щенка, но сперва надо понять, способна ли она стать хорошей хозяйкой. Что, если она заведет пса (а собаки, между прочим,

живут лет двенадцать, а то и все четырнадцать) и через год поймет, что ей надоело выгуливать беднягу, заниматься с ним, надоело даже брать его с собой в город? Люди меняются, сегодня им подавай одно, а завтра – другое. И еще люди то и дело ранят душу другим живым существам. Если Эмити ранит душу своему псу, она себе этого не простит, возненавидит себя целиком и полностью, раз и навсегда. Это не дело – взять собаку, а потом от нее отвернуться.

В зоомагазине сказали, что Снежок с его лоснящейся шубкой – мышь очень редкой породы, что он проживет года четыре. Из этих четырех прошло уже два, и Снежок до сих пор ей не надоел. Эмити любила его так, как только можно любить мышь, существо без яркой личности и без особенного характера – в отличие от собаки.

И еще, прежде чем заводить пса, нужно понять, как Эмити справится с потерей, когда Снежок умрет. Если сильно расстроится, о собаке и думать нечего, потерю собаки она и вовсе не переживет, – это уж точно, никаких сомнений. Когда ушла Мишель, Эмити было всего четыре года. В таком возрасте не особенно понимаешь, что случилось. Матери она почти не помнила, но до сих пор страдала от утраты. Ну как страдала... Боли не было. Была пустота, будто чего-то нет на месте. Девочка опасалась, что с каждой новой потерей эта пустота будет разрастаться и в конце концов Эмити станет совершенно пустой, словно яичная скорлупа, из которой высосали все содержимое.

Иногда – например, прямо сейчас – она не могла вспомнить, как выглядела мать. Чувство, прямо скажем, страшноватое. Пару недель назад на Эмити накатило дурное настроение. Она схватила фотографию Мишель (папа советовал всегда держать ее на рабочем столе) и сунула в нижний ящик. Может, пришла пора снова взглянуть на этот снимок.

Снежок лежал у нее на коленях, закрыв глаза. Нижняя челюсть у него отвисла. Так и будет блаженствовать, пока чешешь ему животик.

Эмити рассматривала его бритвенно-острые зубы. Они растут у мышей всю жизнь. Снежку нужно было постоянно стачивать зубы, иначе он не смог бы принимать пищу. Вот почему у него в клетке было три брикета прессованных опилок: чтобы Снежку всегда было что погрызть.

У всех живых существ свои недостатки. Своя ноша.

Папа говорит, что эта ноша придает нам сил, закаляет душу, что это не недостаток, а достоинство. Он много чего знает и почти всегда прав, но эти разговоры про достоинство, которое на самом деле недостаток... Полная чушь, сопли с сахаром. По крайней мере, по опыту Эмити. Папа, наверное, во все это верит. Говорит, что ночь темнее всего перед рассветом. Он страшно терпеливый и почти никогда не выходит из себя.

Вот Эмити терпения не хватает, хотя лучше бы хватало. Разозлить ее проще простого. Не так давно она составила список вещей, которые ее бесят, чтобы ничего не забыть и не удариться в сентиментальность, подобно куклам из детской утренней программы, талдычащим, чтобы дети были «заиньки, зайньки да паиньки». Список получился дурацкий, так что Эмити порвала его, а клочки выбросила, но запомнила каждую строчку – даже ту, где говорилось, что ее бесит тот факт, что у нее нет мамы, и еще как бесит. А когда тебя что-то бесит, ты уже не сможешь грустить по этому поводу, не станешь нюни распускать. Вот оно, настоящее достоинство, счастье и блаженство.

Не переставая чесать Снежку животик, Эмити думала, что сейчас происходит на веранде и какую лапшу дядя Страшила вешает на уши ее терпеливому отцу.

4

Из каньона доносились зловещие вопли койотов, – стало быть, охота в самом разгаре. На луну напозло облачко, и серебристый свет потускнел.

– Оставляю его вам, – торжественно изрек Эд, протягивая Джеффи грязную коробку, перевязанную бечевкой, – ибо, случись ему попасть в недобрые руки, судьба человечества изменится раз и навсегда. А вы, Джеффри Уоллес Колтрейн, самый надежный человек на моей памяти, и никому я не доверяю больше, чем вам.

– Лестно слышать, но ведь вы меня почти не знаете, – заметил Джеффи.

– Как бы не так! – прогремел Эд. – Я нутром вас чую, вижу вас насквозь, вижу всю вашу душу. А нутро не ошибается. Нутро говорит: у этого парня чистая душа. Если откажетесь мне помочь, то обречете свою дочь на форменный кошмар. На рабство и даже смерть!

Янтарные лампочки на веранде светили неярко, но Джеффи все равно увидел, что лицо Эда побагровело. На шее и висках запульсировали жилки, словно бродягу вот-вот хватит удар.

Держа перед собой коробку, старик сдвинулся на самый краешек кресла и понизил голос до напряженного шепота:

– Послушайте меня. Послушайте, просто послушайте. Я пользовался этим ключом ключей сотни раз. Видел неопишемые ужасы. Мне следовало его уничтожить, но рука не поднялась, ведь это мое детище, гениальный плод трудов всей моей жизни. Я не могу спрятать его в депозитной ячейке, ведь враг прошерстит все банковские записи от одного побережья до другого. Не могу оставить его никому из тех, кого знал в прошлой жизни. За этими людьми следят. Не могу даже, черт побери, вырыть яму и закопать эту штуковину: что, если какой-нибудь несчастный найдет ее и включит? Откуда ему знать, насколько это опасно? Спрячьте коробку как следует. Подозрение падет на всех жителей каньона, с кем я имел возможность общаться. Они, эти мерзавцы, все здесь перероют. И неудивительно, ведь он стоит семьдесят шесть миллиардов долларов.

– Он? Кто?

– Вот он. – Эд осторожно потряс коробку.

– Дорогая вещица, – заметил Джеффи.

– Ох, поверьте, он гораздо, гораздо дороже. За него не жалко и весь мир отдать. Вот почему поиски никогда не прекратятся.

Похоже, несущий винтик в голове у Эда не просто разболтался. Очевидно, он и вовсе выпал из гнезда, а следом обрушилась вся конструкция в Эдовой черепушке. Старик выпучил глаза, лицо его блестело от испарины. Он сильно распереживался. Джеффи было жаль его. Эд – образованный человек, ученый (не исключено, что когда-то он был талантливым преподавателем истории, литературы или философии) – пал жертвой слабоумия. Что тут скажешь, настоящая трагедия.

Оставалось лишь одно – постараться утешить старика. Пойти ему навстречу. Нельзя отмахиваться от его параноидальных фантазий, называть их галлюцинациями (коиими они, собственно говоря, и являются), это неуважительно и жестоко. Джеффи тоже сдвинулся на самый краешек кресла и взял у Эда коробку.

– Никогда ее не открывайте! – Эд погрозил ему пальцем. – Никогда не трогайте ключ. Просто храните его. Если не вернусь через год, значит я мертв. Мне бы раздобыть пистолет и перестрелять мерзавцев, когда они явятся по мою душу, но я на такое не способен. Слишком много ужасов мне довелось повидать. Не хочу множить страдания. Я миролюбивый человек, беспомощный пацифист. Если не вернусь через год, значит я мертв.

– Поверьте, вам еще жить и жить, – успокоил его Джеффи.

– Через год найдите бочку. Найдете?

– Бочку?

Для пущей доходчивости Эд стиснул ему колено:

– Бочку, жестянку из-под нефти, металлический цилиндр с плотной крышкой. Найдете?

– Конечно.

– Умеете замешивать бетон?

– Я же каменщик.

– Да, точно, я и забыл. Значит, так: если не вернусь через год, заполните бочку бетоном.

До половины. Потом положите в нее коробку и долейте бетона доверху, чтобы вокруг коробки получился саркофаг. Сваркой пользоваться умеете?

– Да, я на все руки мастер.

– Заварите бочку. Она, как понимаете, будет очень тяжелая.

– Чрезвычайно тяжелая, – покивал Джеффи.

– Вряд ли у вас есть гидравлическая ручная тележка. Таких почти ни у кого нет. Ну что, есть у вас ручная тележка? Гидравлическая?

– Нет, но могу взять напрокат.

Эд снял руку с его колена и показал Джеффи два больших пальца:

– Возьмете тележку, погрузите на нее бочку, отвезете ее на причал. Катером управлять умеете?

– Любым, вплоть до тридцатишестифутового.

– Арендуйте катер, вывезите бочку в океан и выбросьте за борт на самой глубине.

– Какая потребуется глубина? – поинтересовался Джеффи.

– Тысячи футов, наверное, хватит. Но никак не меньше пятиста.

– Считайте, что дело сделано. То есть если вы не вернетесь через год.

В этот момент луна вышла из-за облачка, и тревога на лице у Эда словно по волшебству сменилась облегчением.

– Я знал, что могу на вас положиться. Понял это после первых наших посиделок на веранде. – Он поднялся на ноги. – Джеффри, ни при каких условиях не открывайте коробку. И не прикасайтесь к тому, что в ней находится. Сдержите данное мне слово. Вещица в коробке навлечет на вас одни лишь несчастья. Судьба всего мира в ваших руках.

Похоже, у Эда разыгралась мания величия. Джеффи встал с кресла-качалки:

– Что ж, Эд, когда коробка вам понадобится – через год или, допустим, завтра, – я буду готов ее вернуть.

– Через год или никогда. Уже завтра каньон будет кишеть этими презренными мерзавцами. Так что спрячьте ее хорошенько.

Эд поправил бабочку, разгладил полы пиджака, подошел к ступенькам, спустился с веранды и оказался на залитом лунным светом газоне. Остановился, взглянул на небо и снова повернулся к Джеффи:

– Меж тем как, противные, быстрой рекою, сквозь бледную дверь, за которой Беда, выносятся тени и шумной толпою, забывши улыбку, хохочут всегда¹. Вот вам пара строчек из По. Не троньте ключ, Джеффри. Не вздумайте открывать бледную дверь.

Он зашагал было к дороге, но тут же добавил еще одно предупреждение:

– За мной по пятам идет поисковый отряд демонов. Дьяволы, черти! Когда эти свиньи сунут сюда свое рыло, помните: они не те, кем кажутся. Даже если отдадите им коробку, вам от них не отделаться. Узнав, что ключ у вас, этот дивный и вместе с тем проклятый ключ у вас, они решат, что вы слишком много знаете. Они безжалостные убийцы. Сволочи. Дикое зверье. Они... сделают так, что вы исчезнете. Спрячьте его хорошенько, Джеффри. Спасите и себя, и вашу девочку. Спрячьте его хорошенько!

---

¹ Эдгар Аллан По. Заколдованный замок. Перевод К. Бальмонта. (Примеч. перев.)

Старик вышел на тротуар, свернул направо и двинулся в сторону каньона.

Ночь наполнилась печалью и сожалением. Лунное серебро потускнело. Может, этот человек всю жизнь был не в себе, но до сегодняшнего вечера он вел себя как приятный собеседник и ни разу не сворачивал на кривую дорожку откровенного безумия.

Эд ступил под раскидистые дубовые ветви, куда не проникал свет луны. Наконец его силуэт растаял во тьме.

5

Эмити стояла возле кухонного стола. На правом плече у нее сидел Снежок и грыз орешек, придерживая его передними лапками.

На столе стояла коробка. Грязная, пожелтевшая, не коробка, а одно название – и все же у нее был зловещий вид.

– Что в ней? – спросила Эмити.

– Не знаю. – Папа откупорил бутылку пива. – И я пообещал, что не буду ее открывать.

– Может, там мадагаскарский шипящий таракан. Восьмидюймовый. Помнишь, как колдунья наслала на вражеский замок полчище тараканов?

– Помню, но это было в книжке. В реальной жизни люди не подбрасывают друг другу огромных тараканов, чтобы навести порчу. Эд – неплохой человек. Но похоже, слетел с катушек.

– А если он не вернется через год? Ты что, правда замуруешь ее в бочке и утопишь в океане?

– Ну, я же пообещал. – Отец пожал плечами. Уселся за стол, печально улыбнулся и покачал головой. – Семьдесят шесть миллиардов долларов...

– Вряд ли столь ценную вещь можно спрятать в такой маленькой коробке, – заметила Эмити.

В такую коробку поместится, к примеру, Снежок. Эмити обожала своего малыша, и для нее он стоил гораздо больше, чем они с папой заплатили за него в зоомагазине, но никак не миллиарды долларов – без обид, любимый Снежок и все мыши на свете. С другой стороны, папа определенно стоит этих денег. Если однажды его похитят и злодеи потребуют выкуп – семьдесят шесть миллиардов, – а к тому времени Эмити заработает много-много долларов, она заплатит все эти миллиарды и глазом не моргнет, честное слово. Но папа, в отличие от Снежка, в такую коробку не поместится.

– Что бы там ни было, – сказал отец, – оно и десяти центов не стоит. Ни для кого, кроме Эда. Бедняга совсем расклеился. Пал жертвой собственного рассудка. Судя по его речам... Думаю, когда-то он был преподавателем в колледже. И пожалуй, весьма талантливым. Но теперь на него жалко смотреть. Что ж, скоро он вернется за своей вещицей. Может, через неделю. А то и завтра.

Эмити, сняв Снежка с плеча, баюкала его в ладонях. Это всего лишь мышка, но Эмити обязана его защищать – в этом мире, где ничто не вечно. Даже ты сам.

6

Всю ночь Джеффи снилась коробка. Сновидения были разрозненные, скоротечные, одно сменялось другим без какой-либо нити повествования. Джеффи снилось, что он ищет коробку и не находит или же ему попадаются всевозможные коробки, но не та, которую вручил ему Эд. В одном из снов Джеффи пришел на кухню, включил свет и увидел, что стенки коробки выгнулись наружу, а бечевка туго натянута, словно кто-то стремился вырваться из своей картонной тюрьмы и причитал так заунывно, что от этого звука кровь стыла в жилах. Потом Джеффи снилось, что он – совсем как Алиса, отхлебнувшая из бутылочки с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ», – сделался крошечным, не выше дюйма ростом, и сам оказался в коробке, а высоко над головой, зацепившись когтями за крышку, висит здоровенная, голодная и злобная тварь. Джеффи лишь чувствовал ее присутствие, но тварь прекрасно его видела – даже в темноте.

Он встал до рассвета. Побрился, принял душ, оделся. Пришел на кухню, включил свет. Коробка стояла в самом центре стола – именно там, где Джеффи ее оставил. Стенки не выгнуты, никто не причитает.

Вряд ли Эд опасен. Наверняка в коробке лежит какая-то безделица, представляющая ценность лишь для выжившего из ума старика. И все же странно, что подсознание всю ночь терзало Джеффи, насылая на него столь неприятные сны – даже кошмары – об этой безобидной картонке.

Здесь, на кухне, выдержанной в стиле ар-деко, Джеффи как будто вернулся во времена, когда мир был более дружелюбным, и чувство тревоги отступило. Пол выложен крупным белым кафелем, а между плитками – черные ромбовидные вставки. Белая лакированная мебель. Стена за раковиной закрыта листом нержавеющей стали, рабочие поверхности тоже из нержавейки. Винтажная плита фирмы «О'Киф и Мерритт» с множеством отделений. Точная копия холодильника «Колдспот» из тридцатых годов прошлого века. Банка от печенья «Крейзи кэт»: сама черная, а глазищи кота – белые. На стене постер – обложка одного из номеров «Шарм» за 1931 год с изображением кофейника и чашки.

Начинало светать. Небо над каньоном зарозовелось. Джеффи налил себе чашку свежесваренного ямайского кофе, встал у раковины и уставился в окно, на тропинку, ведущую в холмы. Сделал пару глотков и услышал вдалеке ритмичный механический шум. Звук быстро нарастал. Наконец от него задрожал весь дом. Вертушка? Джеффи поднял глаза к потолку, снова глянул в окно и успел заметить над дубами вертолет: крупнее полицейского, двухмоторный, человек на восемь-десять, оба винта высокие – и несущий, и рулевой. Серьезная машина. Весит, пожалуй, не меньше десяти тысяч фунтов. И выглядит зловеще: летит быстро и гораздо ниже разрешенной высоты. Такое чувство, что идет в атаку.

Вслед за гулом вертолета послышался шум других моторов. Один, два, три, четыре черных «шевроле-субурбана» промчались по переулку Тенистого Ущелья. Без сирен, без мигалок, но картина была как в кино: агенты ФБР торопятся обезвредить террористов, грозящихся взорвать атомную бомбу.

Едва затих рокот первого вертолета, тут же зарокотал следующий, еще громче. Джеффи, отставив кофейную кружку, бросился к входной двери и выскочил на веранду. Как раз вовремя: с запада шла еще одна вертушка. Небо было ясное, и отблеск утреннего солнца на стекле кабины походил на розовое бельмо.

Ярдах в пятидесяти от бунгало, на стыке улицы Полых Дубов и переулка Тенистого Ущелья, у тротуара стоял пятый «субурбан», а рядом с ним, поперек дороги, шестой. Ни пройти ни проехать. Возле автомобилей совещались шестеро мужчин.

Босоногая, в пижаме с принтом Реактивного Енота, зевая и потягиваясь, на веранде появилась Эмити. В этот момент второй вертолет, снизившись, пролетел прямо над домом.

Дубовые ветви содрогнулись, пальмовые листья взъерошило воздушным потоком. Вековые дубы стояли зелеными круглый год, понемногу сбрасывая старую листву. Теперь же бурые листья – хрустящие и формой похожие на тараканы хитиновые панцири – осыпались в один момент, сухо шелкая по черным ветвям.

– Что происходит? – спросила Эмити.

– Не знаю.

– Что-то серьезное, – сказала она.

– Похоже на то.

– Тебе не страшно? Потому что мне слегка страшновато.

– Есть маленько, – кивнул он.

– Что это за люди?

– Наверное, ФБР. Черные «субурбаны», черные вертолеты, никаких опознавательных знаков.

– На полицейских машинах должна быть специальная маркировка, верно?

– Я тоже так думал.

– Пойду-ка я переоденусь, – сказала Эмити после паузы.

– Неплохая мысль.

Эмити направилась к двери. Обернулась и добавила:

– А ты пока спрячь ту коробку, что принес Эд.

7

В отличие от Эмити, Джеффи и в голову не пришло, что внезапное нашествие машин и вертолетов как-то связано со вчерашним визитом Эда. Когда старый бродяга, у которого явно не все дома, говорит, что на него открыли охоту (если, конечно, не выдумывает), представляешь охотника под стать злополучной жертве: пришибленного наркомана, свято верящего в существование вещицы под названием «ключ ключей», или психопата, имеющего зуб на бездомных в клетчатых рубашках и с галстуками-бабочками в горошек. Ты вовсе не предполагаешь, что речь идет о десятке-другом крепких мужчин в полном спецназовском обвесе стоимостью в несколько миллионов долларов.

Иногда, однако, здравый смысл идет рука об руку с паранойей. Похоже, что мировые элиты, вдохновившись книгой Джорджа Оруэлла, с редким единодушием решили: эпоха тоталитаризма, описанная в романе «1984», наступит не позднее чем через полвека после даты, предсказанной его автором.

Вернувшись на кухню, Джеффи схватил коробку со стола. Она была легкая: наверное, заполнена кусочками стирофома или другого упаковочного материала.

Джеффи нерешительно застыл на месте, прислушиваясь к шуму вертолетов. Один рокотал вдаль, другой – ближе и громче. Куда бы спрятать коробку? Ему не верилось, что «свиньи», о которых говорил Эд, – кем бы они ни были – ворвутся в дом и станут обыскивать комнату за комнатой, выворачивать ящик за ящиком. Однако если эти люди и впрямь надумают переступить порог бунгало, коробку спрятать некуда: все потайные места очевидны.

Наконец Джеффи ушел к себе в мастерскую, частично отведенную под восстановление стильных бакелитовых радиоприемников эпохи модерна.

Слева от верстака был стеллаж с восемью приемниками знаменитых фирм: «Фада», «Сентинел», «Бендикс», «Эмерсон», «Девальд». Начищенные, отполированные красавцы, просто загляденье. Джеффи заменил в них проводку, поставил новые лампы, и теперь приемники могли принимать радиостанции АМ-диапазона не хуже, чем в тридцатых годах прошлого века. Правда, звук давали не сразу: нужно было ждать, пока прогреются лампы.

На стеллаже справа от верстака стояло шесть выцветших и поцарапанных приемников – до них у Джеффи руки пока не дошли. Все с блошиных рынков, дворовых распродаж и от барахольщиков, скупающих всякое старье: то, что другие считают за хлам. Самый дешевый аппарат обошелся Джеффи в сорок долларов, самый дорогой – в две тысячи. В таком деле все зависит от осведомленности продавца. После восстановления страстные коллекционеры готовы были отдать за подобную вещицу пять, шесть тысяч долларов, даже десять, если модель была редкой и особенно красивой.

Самым крупным обитателем стеллажа был грязно-бурый «Бендикс». После чистки и полировки корпус станет светло-коричневым, а рамка шкалы и ручки настройки – светло-желтыми. Потроха «Бендикса» были выложены на верстак. На стеллаже стоял один лишь пустой корпус: одиннадцать дюймов в длину, семь – в ширину и десять – в высоту. Маловато, чтобы спрятать Эдову картонку, но для ее содержимого, пожалуй, в самый раз.

Джеффи вспомнил слова Эда: «Ни в коем случае не открывайте коробку. Никогда, ясно?»

Над домом снова пролетел вертолет – так низко, что от воздушной волны содрогнулась крыша и задрезбжали стекла.

Такая непрезентабельная коробка непременно привлечет внимание во время обыска, ведь она совершенно не вписывается в интерьер дома.

«Джефффри, ни при каких условиях не открывайте коробку. И не прикасайтесь к тому, что в ней находится».

Трудно было поверить, что на самом деле Эд не страдал от слабоумия. Что в коробке лежит чрезвычайно ценный и важный предмет. Что за стариком и впрямь явился «поисковый отряд демонов». Даже если это правда (ведь неспроста здесь кружат вертолеты и разъезжают «субурбаны»), Эд, несомненно, преувеличивал жестокость своих врагов. Дикие звери? Убийцы, способные стереть с лица земли невинного человека и его дочь?

В дверь позвонили.

Наверное, почтальон. Принес посылку, нужно расписаться.

Вертолет вернулся и завис над домом. Под волнами воздуха от несущего винта пальмы забились так громко, что их слышно было даже за оглушительным шумом ротора.

Сердце у Джеффи колотилось, как у кролика, понимающего, что его вот-вот съедят. «Прости, Эд. Нужно было посерьезнее отнестись к твоим словам».

Он поставил коробку на верстак, развязал узелок, отбросил бечевку в сторону.

Человек на веранде снова нажал на кнопку звонка, и в этот же момент послышался настойчивый стук: кто-то ломился в заднюю дверь.

Джеффи снял крышку и замер. Предмет в коробке был обернут вспененным целлофаном.

«Спрячьте его хорошенько, Джеффри. Спасите и себя, и вашу девочку».

За тонкой шторкой на окне появилась человеческая фигура, черная тень на фоне яркого утреннего солнца.

Джеффи быстро развернул защитную пленку. Ключ ключей был похож на блестящий смартфон – дюймов пять на три, а то и меньше, – но на корпусе из нержавеющей стали не было ни кнопок, ни гнезда для зарядного устройства. И никаких опознавательных знаков. Черный экран казался неотъемлемой частью корпуса, словно устройство не собрали из отдельных деталей, а поатомно напечатали на 3D-принтере, хотя таких продвинутых принтеров нет в природе.

В одну дверь звонили, в другую били кулаком, шумели деревья, рокотал вертолет. Джеффи сунул непонятный предмет в корпус «Бендикса». Схватил с верстака детали от приемника и убрал их в дальний ящик.

В спешке разорвал картонную коробку на мелкие части, не забыл и про крышку. Бросил обрывки в мусорную корзину. Туда же отправилась бечевка, после чего Джеффи хорошенько потряс корзину, чтобы старый мусор как следует перемешался с новым.

8

Джеффи открыл дверь. На веранде маячили трое мужчин: один – спереди, двое – у него за спиной. На переднем был черный костюм и белая рубашка с черным галстуком. Красавчик, словно со страниц журнала «Джи-Кью». Густые черные волосы зализаны назад, как у персонажа из фильма в стиле нуар. У такого в кармане найдется и пружинный нож, и удавка. Глаза у него были серые, а взгляд острый, как подсаидашный клинок.

Двое у него за спиной были в черных брюках с накладными карманами, черных футболок и черных же куртках – достаточно свободных, чтобы сбруи с пистолетами не бросались в глаза. Оба выглядели так, словно им на роду написано создавать людям неприятности. Один сказал что-то в рацию. Зависший над домом вертолет набрал высоту и сдвинулся к югу.

Мужчина в костюме скорчил гримасу. Наверное, думал, что улыбается, но голос его прозвучал на редкость недружелюбно:

– Джон Фолкерк, Агентство национальной безопасности. – Он показал удостоверение со своим фото.

Самое время прикинуться туповатым жителем сонного каньона, встревоженным неожиданной суматохой. Джеффи затараторил, не делая пауз между вопросами:

– Что такое, что случилось, нас что, эвакуируют?

– Этот дом записан на Джеффри Колтрейна, – сказал Фолкерк. – Вы мистер Колтрейн?

– Да, сэр, так и есть, это я, он самый. – Джеффи покивал, чтобы добавить веса своим словам. – Что творится, зачем вертолеты, мы что, в опасности? У меня тут маленькая дочь.

Фолкерк не стал его успокаивать: когда обыватель взволнован, он отвечает на вопросы спонтанно, не думая. Убрав удостоверение, спецгент показал Джеффи смартфон с фотографией Эда на экране:

– Знаете этого человека?

– Кто это?

– Я надеялся, что вы сами скажете, как его зовут.

Джеффи покосился на телефон:

– Ну, может, я его и видел.

– Где?

– Вот этого сказать не могу.

– Не можете сказать, где его видели?

– Нет, сэр. Ну, не знаю... может, и не видел. А если видел, то где-то в городе.

Фолкерк молчал. В его молчании было что-то угрожающее, словно он проанализировал каждый слог, произнесенный Джеффи, одновременно отслеживая расширение зрачков, а теперь сводил воедино оба массива данных, пытаясь распознать ложь. Вид у него был как у робота из научно-фантастического фильма.

Джеффи мог бы пойти ему навстречу, но старый добрый придурковатый Эд нравился ему гораздо больше, чем этот стремный мужчина в черном. Доверять такому – все равно что доверять парню с татуировкой «666» на лбу.

– Он бомж и бродяга, – сказал агент. – Остального вам знать не следует. Живет в каньоне. На пустыре. В надувной палатке небольшого размера.

– В каньоне? – Джеффи старательно нахмурился. – Раньше там никто не жил. Кроме койотов, рыжих рысей и их кормовой базы. Славное было время. Не то что сейчас.

– Нам известно, что этот человек бывает в городе не реже нескольких раз в неделю. И всякий раз проходит мимо вашего дома. Может, тогда-то вы его и видели?

– Может быть. Я не любитель рассиживаться на веранде. Других дел хватает.

– Если он вас заметил, мог остановиться, чтобы поболтать. Он общительный человек.

– У меня с такими людьми разговор короткий. – Джеффи нахмурился старательнее прежнего. – Говорю же, у меня маленькая дочь, так что я не очень люблю незнакомцев.

Он взглянул на парочку за спиной у Фолкерка. Похожи на спецназовцев, снявших кевларовую броню, чтобы заглянуть в кафе за пончиками. Джеффи снова сосредоточил внимание на собеседнике:

– Так что происходит? Мне следует волноваться? И если да, то насколько сильно? Этот бродяга кого-то убил?

– Его зовут доктор Эдвин Харкенбах. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Нет, я у него не лечусь, – покачал головой Джеффи. – Моего терапевта зовут Бен Солерно. А стоматолога – Дженнифер Гошен. В специалистах узкого профиля пока не нуждаюсь, и слава богу.

Какое-то время Фолкерк молча смотрел на него, после чего убрал телефон. В руках у него появился официального вида документ.

– Мистер Колтрейн, понимаете ли вы, что лгать агенту АНБ – это уголовно наказуемое деяние?

– Да, конечно понимаю. Так же как и лгать агенту ФБР. И это правильно.

– Вот ордер на обыск вашего жилища. Речь идет о национальной безопасности. Попытка воспрепятствовать моим действиям повлечет за собой ваш арест.

– Хотите зайти и осмотреться? – Джеффи взял у него ордер.

– В общем и целом – да. Вам следует знать, что вас не подозревают в совершении уголовного преступления. – В ледяном взгляде Фолкерка читалось обратное. – Этот ордер выдан в соответствии с Актом о негласном наблюдении в целях внешней разведки. Для противодействия угрозе национальной безопасности. Я говорю об индивидууме, который мог воспользоваться вашей добротой в преступных целях. Такие ордера выписаны на обыск всех семи домов в переулке Тенистого Ущелья.

– Угроза национальной безопасности? Я, знаете ли, готов пустить вас к себе безо всякого ордера. Это ведь мой гражданский долг, разве нет? Проходите, джентльмены.

Когда Фолкерк и его спутники вошли в прихожую, явилась Эмити – в джинсах, кедах, футболке с изображением анимешного персонажа и легкой джинсовой курточке с желтым подмигивающим эмодзи на нагрудном кармане.

– Пап, что случилось? – спросила она, по-совиному вылупив глаза.

– Это агенты федеральной службы, милая.

– Какой еще федеральной службы?

Эмити решила изображать тупицу. Лишь бы не перестаралась, хотя в таком невозможно перестараться – чем хуже, тем лучше.

– Эти люди, они вроде полицейских, Эмити. Думают, что у нас дома может скрываться злодей. Хотят его найти.

– Нас интересует не только Харкенбах, – поправил его Фолкерк. – Мы ищем любые признаки его пребывания в вашем жилище, с вашего ведома или без него, равно как и указания на его связь с любым человеком, проживающим по данному адресу. – Он снова достал смартфон и показал Эмити фотографию Эда. – Скажи, девочка, ты когда-нибудь видела этого мужчину?

Эмити обхватила себя руками и нахмурилась:

– Какой-то психбольной.

– Ты с ним знакома?

– Не-а. Но, судя по виду, он из тех, кто угощает конфеткой, предлагает прокатиться, и все: была девочка, и нету. Я про таких знаю, они извращенцы. Папа мне о них тыщу раз рассказывал. Не смей, говорит, дружить с извращенцами.

Фолкерк покосился на фотографию – так, словно впервые видел Эдвина Харкенбаха в таком свете, – и спрятал телефон в карман.

– Мистер Колтрейн, вы понимаете, что такое тщательный обыск жилища и каковы будут его последствия?

– Наверное, перевернете тут все вверх дном.

– Я и мои подчиненные экипированы нагрудными видеорегистраторами. Вам необходимо будет присутствовать в каждой комнате, чтобы убедиться в отсутствии фактов кражи и порчи имущества. Если какое-то помещение представляет для вас особенную ценность, сообщите о нем заблаговременно, и мы предложим компромиссное решение.

Джеффи понял, что такое помещение будут обыскивать с особенным пристрастием.

Эмити, наверное, подумала о том же самом и решила отвлечь внимание противника на негодный объект:

– Вы же не станете обыскивать клетку, правда? Снежок до чертиков перепугается.

9

Эмити держала Снежка в руках и нашептывала ему ласковые слова. Тем временем подручные Фолкерка вынимали из клетки размером три на пять футов все содержимое: брикеты прессованных опилок, беговое колесо, миниатюрную лесенку со смотровой площадкой, голубой мышинный домик с белыми ставнями и кровлей в виде ломтиков сыра, лоскуты газет, в которые любил зарываться застенчивый Снежок. Один агент влез рукой во что-то липкое, понюхал пальцы и сказал: «Гляньте-ка, эта сволочь где спит, там и гадит», на что Эмити заметила: «Ну а что вы хотели? Он же мышка». Джеффи проводил пострадавшего в гостевую ванную, чтобы тот вымыл руки, после чего агент снял крышку с туалетного бачка и заглянул внутрь. Интересно, что он хотел там найти? Скорее всего, ключ ключей.

Как и ожидалось, дом обыскали сверху донизу. Перевернули все вверх дном. Ну, не все, конечно, но почти все.

В мастерской двое безымянных агентов принялись шарить по шкафам и ящикам, в то время как Фолкерк без особенного интереса рассматривал стеллажи с радиоприемниками и наборами бакелитовой бижутерии. Он был похож на аристократа, оказавшегося в магазине «Тысяча мелочей» среди простолюдинов, воняющих дешевым одеколоном.

– Что это за штуковины?

– Я полирую бижутерию, чиню сломанные застёжки. Ставлю в приемники новые лампы. И продаю все это коллекционерам.

– Коллекционерам? Кто-то коллекционирует такой кич? И готов за него платить?

Джеффи указал на выцветший корпус «Бендикса», в котором был спрятан ключ ключей:

– Выхватил эту прелесть на барахолке. За шестьдесят долларов. Почистищу, отполирую, и он будет выглядеть примерно так. – Он ткнул пальцем в уже готовый приемник. – А потом отнесу в антикварный магазин и сдам тысяч за шесть. Кстати говоря, за хорошее бакелитовое ожерелье дамы готовы друг другу горло перегрызть.

– Да ну, дерьмо какое-то.

– В клетке? Это мышьино было. – Эмити накрыла Снежка ладонью.

На физиономии Фолкерка застыла презрительная гримаса. Пожалуй, чересчур презрительная.

– Думаешь, это смешно, да? Так ты у нас смешная?

– Нет, сэр. Некоторые посмешнее будут.

Не поднимая рук, Фолкерк сжал кулаки. Губы его побледнели, взгляд снова сделался ледяным.

– Знаешь, где я видал таких шутников?

В голосе его слышалась едкая неприязнь, а фраза прозвучала так враждебно, что Джеффи забеспокоился. Чтобы отвлечь внимание агента от Эмити, он включил восстановленный приемник фирмы «Фада».

Лампы нагрелись, оживила шкала настройки АМ-диапазона. Округлая форма корпуса и зернистый пластик богатого золотистого цвета, похожий на кварцит... Чарующее зрелище. В те времена даже повседневные вещи старались делать так, чтобы они радовали глаз. Не то что нынешние утилитарные поделки, блеклые и бездушные.

Фолкерк с пренебрежительным любопытством смотрел на приемник. Когда из динамика, изготовленного почти сто лет назад, запела Тейлор Свифт, он сказал:

– Неплохая певица и девка симпатичная. Но звук так себе, весь образ убивает. Нормальным колонкам в подметки не годится. Купите себе «Бозе», сразу услышите разницу.

– Я продаю ностальгию, – сказал Джеффи. – В прошлом музыка примерно так и звучала.

– Ностальгия – это тупик. Человечество или шагает вперед, или сползает назад. А если сползет слишком далеко, пиши пропало.

– Понимаю вашу точку зрения, – с улыбкой кивнул Джеффи. – Но, думаю, нам не мешает сползти назад. Совсем чуть-чуть. Чтобы люди перестали весь день пялиться в экранчики смартфонов. Чтобы перестали указывать другим, как себя вести и о чем думать. Чтобы вспомнили, что когда-то сутки ощущались не как двенадцать часов, а как все двадцать четыре. Что когда-то у нас была возможность вздохнуть полной грудью.

– Так вот, значит, что вам по душе, – сказал Фолкерк. – В таком случае лучше сидите в своем домишке и не кажите носа за дверь. Вот и окажетесь во вчерашнем дне. А мир тем временем не стоит на месте. Каждый год планета вращается с новой скоростью. Человечество мчит вперед, как ракета. Как ракета, мистер Колтрейн. Такова наша судьба.

10

Шагая к следующему дому в сопровождении двоих подчиненных, Фолкерк уговаривал себя: нельзя сбрасывать со счетов остальных соседей. Не стоит ограничиваться одними Колтрейнками, хотя они на редкость подозрительные личности: что отец, что дочь. Надо же, гадина, подняла его на смех. Наверное, знает, где прячется Харкенбах. А может, просто хамло невоспитанное.

Вылитая его сводная сестра Фиби, младшенькая. Такая же свинья, самодовольная нахалка. Эти Фиби с Филипом, сводным братом Фолкерка, крепко его нагнули, всю жизнь ему испортили. Взять бы эту Эмити Колтрейн и лупить ее по наглой роже, пока от улыбочки ничего не останется. За долгие годы службы Фолкерк не раз видел таких Фиби, которые насмехались над ним, а потом плакали горячими слезами. Иной раз даже кровавыми. Каждый шлепок по роже такой сволочи – все равно что оргазм.

Если выяснится, что Джеффри Колтрейн и его хамка водят дружбу с Харкенбахом, их будут допрашивать. С пристрастием. А на допросе Фолкерк сможет сделать с этой сучонкой все, что душе угодно. И с отцом тоже. Удостоверение АНБ он носил с собой, чтобы было что показать всякому быдлу. На самом деле Фолкерк не отчитывался ни перед АНБ, ни перед остальными агентствами из тех, что на слуху. Он состоял на службе у серых кардиналов. Ему, как и его хозяевам, никакой закон не писан.

Всю жизнь, сколько он себя помнил, Фолкерк был уверен: законы – это для других, не для него. Он с детства усвоил главную истину: нет иной добродетели, кроме порока, и тот, кто имеет власть, может творить что пожелает.

11

Фолкерк и его команда оставили после себя чудовищный бардак. Следующие полтора часа отец с дочерью наводили порядок в своем мире.

За окнами то и дело сверкало солнце, отраженное от ветровых стекол: «субурбаны» гоняли туда-сюда, то в лес, то из леса. Возвращались с пассажирами: некоторым бродягам повезло меньше других. Может, теперь их отвезут в приюты для бездомных, но скорее всего – на допрос в какой-нибудь ангар возле пустыни Мохаве, где слова «требую адвоката» не вызывают у тюремщиков ничего, кроме искреннего хохота.

Наконец Колтрейны уселись за кухонный стол по диагонали друг от друга. У Эмити был утренний стакан апельсинового сока, а Джеффи потягивал кофе – такой крепкий, что аромат стоял на весь дом, мертвого разбудишь.

Устроившись на правом плече у хозяйки, Снежок грыз попкорн с сыром. В крошечных розовых лапках зернышко казалось непропорционально большим.

На столе лежал ключ ключей.

Джеффи не знал, какие беды способно навлечь на них это устройство, но был уверен, что незачем ждать целый год. Правильнее всего купить бочку и сделать несколько замесов бетона. Прямо сегодня. Желательно до обеда.

«Джеффри, ни при каких условиях не открывайте коробку. И не прикасайтесь к тому, что в ней находится. Сдержите данное мне слово. Вещица в коробке навлечет на вас одни лишь несчастья».

Когда рокот вертолетов стих и в каньоне восстановился хрупкий покой, Эмити сказала:

– На вид как телефон.

– Вовсе нет. Присмотрись получше. Сбоку нет кнопок. И гнезда для зарядки. Наверное, потому, что в корпусе нет батарейки. И камеры тоже.

– Внизу экрана кружок. Похож на кнопку «пуск».

– Чтобы называть эту штуковину телефоном, одного кружка мало.

Эмити протянула руку, но Джеффи легонько шлепнул ее по пальцам:

– Не трогать!

– Но ты же трогал.

– С величайшей осторожностью. Двумя пальцами, за самые краешки. В любом случае здесь только один взрослый, и это я. А взрослые устанавливают правила игры. Так было всегда, с незапамятных времен.

– Потому-то мир и погряз в такой огромной навозной куче?

– Не исключено.

– Вертолеты, внедорожники, крутые дядьки... – сказала Эмити, отхлебнув апельсинового сока. – Пожалуй, этот дурацкий телефон и впрямь стоит семьдесят шесть миллиардов.

– Правительственный грант, – кивнул Джеффи.

Привлеченный серебристым блеском загадочного предмета, Снежок выронил свой попкорн, сбегал вниз по руке Эмити, промчался по столешнице (хотя обычно на стол его не пускали) и уселся на экран устройства – если, конечно, это был экран.

Девочка охнула. Оба – и она, и Джеффи – вскочили со стульев с таким видом, словно Эдвин Харкенбах передал им на хранение не ключ, а миниатюрную ядерную бомбу.

Снежок взгляделся в темную зеркальную поверхность, где не было ничего, кроме его размытого отражения.

Через несколько секунд блестящий экран ожил: был черным, а стал серым.

Теперь охнул Джеффи, а Эмити принялась уговаривать:

– Ну же, маленький, иди к маме. Иди к маме, Снежок.

На экране что-то появилось. Джеффи увидел две большие кнопки – одну синюю, другую красную, – а на кнопках белые буквы, но Снежок сидел так, что прочесть надписи было невозможно.

Джеффи и Эмити одновременно потянулись к мыши. Эмити схватила Снежка, отец схватил ее за руку...

...и кухни как не бывало. Все трое оказались в белоснежной пустоте. Видели лишь друг друга да еще Снежка. Сверху падали мерцающие хлопья, ослепительно-белые, но вовсе не холодные. Падали, но не оставались на одежде – проходили сквозь Джеффи, сквозь Эмити.

«Частицы света», – подумал Джеффи и весь похолодел. Что сказать, чрезвычайно странное ощущение.

Он вспомнил стихотворение, которое продекламировал Эд перед тем, как раствориться в ночи. Что-то про бледную дверь и шумную толпу теней. Ключ ключей отомкнул дверь, бледную дверь в мир света, и, хотя шумной толпы теней пока что не было видно, Джеффи понимал, что впереди великая опасность. Он чувал: теперь кто-то знает, что они с Эмити преступили грань дозволенного, и этот кто-то – может, человеческое существо, а может, хищная тварь – уже взял след.

12

Раздалось негромкое «вжик!» – и слепящие хлопья как ветром сдуло. Отец с дочерью снова очутились на знакомой кухне. Однако однажды она уже пропала и теперь казалась не такой реальной. Джеффи подумал, что эта кухня вполне может быть плодом его воображения.

Эмити забрала Снежка с опасного устройства. Дрожащей рукой Джеффи взял ключ ключей со стола.

– Что это было? – спросила девочка. – Что случилось?

– Не знаю. Это... наверное... не знаю.

Теперь на экране было три кнопки: синяя с надписью «ДОМ», красная со словом «ВЫБОР» и зеленая с пометкой «ВОЗВРАТ».

– К-к-куда они делись? – Голос Эмити дрожал.

– Кто? Что? – спросил Джеффи и поднял глаза.

Эмити обеими руками прижимала Снежка к груди. Только что она едва не потеряла его и, наверное, все еще боялась потерять.

– Мой апельсиновый сок. Твой кофе.

Ее стакан и кружка Джеффи исчезли. Нет, они не упали со стола: на полу было чисто.

Джеффи повернулся к шкафчику – туда, где стояла кофеварка. Кофеварки не было.

Он ничего не понимал. Не важно, по какой причине пропали сок, кофе и кофеварка. Джеффи все острее чувствовал, что материальный мир в какой-то степени нематериален, и ощущение было не из приятных.

– Уберу-ка я эту хреновину, – только и сумел выдавить он, – пока ничего не случилось.

Эмити обошла стол, поводила глазами по кухне в поисках пропавшего кофе и апельсинового сока, после чего сказала:

– Кое-что уже случилось.

Голос ее прозвучал зловеще.

– Ничего страшного. Ничего... непоправимого. Это всего лишь чашка кофе и стакан сока. – Джеффи понял, что уговаривает сам себя – так, словно у него поехала крыша.

Он направился в мастерскую. Эмити следовала за ним по пятам. Оба ходили этим путем бесчисленное количество раз, но теперь коридор казался чужим, хотя непонятно было, что здесь изменилось.

– Пап, тебе не страшно? Потому что мне немножко страшно. Не то чтобы прямо совсем страшно, но слегка жутковато.

– Бояться нечего, – успокоил Джеффи дочку, да и себя заодно, хотя понятия не имел, правду говорит или нет. – То, что было... это просто... – И он осекся, не сумев подобрать нужного слова.

Проходя мимо открытой двери, он задержался и заглянул к себе в спальню. Думал увидеть что-то неожиданное, хотя сам не знал, что именно и почему. Похоже, в этой комнате все было в порядке.

Однако стоявшая рядом Эмити заявила:

– Что-то здесь не то.

– Что именно? Где?

– Не знаю. Повсюду. Такое чувство, что... что я тут больше не живу.

У двери в мастерскую Джеффи остановился. Он вдруг понял, что в доме есть кто-то еще. Почувствовал чье-то присутствие и не удивился бы, увидев, как по коридору скользит привидение или как бесплотная тень мечется из одной комнаты в другую.

Он приоткрыл дверь. Хотя он время от времени смазывал петли, чтобы те не скрипели, на сей раз они скрипнули.

Заглянув в мастерскую, он увидел, что с окна исчезла тонкая занавеска. На ее месте была гофрированная штора, в данный момент поднятая. Джеффи не заметил бы этой перемены, не будь за окном пасмурно – а ведь только что было солнечно. В небе, обещаая ливень, висели тяжелые тучи. Погода переменялась, словно по мановению волшебной палочки.

Он подошел к стеллажу со старыми радиоприемниками, намереваясь спрятать ключ ключей в корпус «Бендикса» – туда, где его и нужно было оставить после того, как ушел Фолкерк.

«Бендикса» не было на месте. Наверное, Джеффи его переставил. Он поискал его глазами среди остальных приемников.

И увидел, что «Бендикс» стоит на верстаке. Начищенный. Тщательно отполированный. Такой же яркий, как в тот день, когда он поступил в продажу, – то есть более девяноста лет назад.

Вернуть выпцветшему бакелиту былое великолепие чрезвычайно сложно. И долго. Никак не меньше недели.

«Бендикс» был подключен к удлинителю, уходящему за верстак. Джеффи нерешительно щелкнул тумблером. Шкала настройки засветилась. Значит, на верстаке стоял не просто пустой корпус. Лампы прогрелись, заиграла музыка.

Джонни Мэтис пел «Двенадцатого числа тринадцатого месяца».

Кожа на заливке у Джеффи скукожилась, словно крепированная бумага.

Он выключил старый приемник. Тишина показалась ему сверхъестественной и жуткой. Не было слышно даже дыхания, словно Джеффи заточили в мавзолее.

– Я тоже это чувствую, – сказал он, обращаясь к Эмити. – Как будто я... я тут больше не живу.

Обернулся, но не увидел дочери.

– Эмити? – позвал он.

Девочка не откликнулась. Все еще сжимая в руке ключ ключей, Джеффи выскочил в коридор. Эмити там не было.

13

Благодаря домашнему обучению Эмити была очень неглупой и весьма начитанной девочкой – опережала программу своего класса с тех самых пор, как узнала, что такое «класс». Она прочла множество фэнтези-романов – и самостоятельно, и вдвоем с папой. Оба предпочитали произведения, в которых женские персонажи были столь же неутомимыми и отважными искателями приключений, что и мужские. У этих героинь Эмити научилась, что нужно быть сильной и независимой. На их примере она узнала, что у человека есть право на страх. Главное – не допускать, чтобы страх лишил тебя сил и присутствия духа. Твой страх – просто подарок для всякого рода злодеев. Они питаются твоим страхом и одолеют тебя только в том случае, если твой страх превратит тебя в лакомое кушанье: тогда враги сожрут тебя и косточек не оставят. Когда Эмити вошла в свою комнату и увидела, что ее, Эмити, больше нет, она постаралась справиться с приступом паники. Оказалось, что это не так просто, как пишут в книжках.

Она собиралась посадить Снежка в клетку, чтобы с ним ничего не случилось, но клетки не было. У Эмити больше не было ни кровати, ни другой мебели. На стенах – ни единого постера с персонажами аниме. Раньше комната была нарядной, желтой с белым потолком. Теперь же стены были выкрашены в скучный бежевый цвет. Дверь шкафчика была открыта, одежды в нем не оказалось. Такое чувство, что Эмити вся покрылась язвами и скоростно скончалась от загадочной тропической лихорадки, после чего ее вещи простерилизовали и отнесли в благотворительную организацию «Гудвилл».

Когда папа влетел в комнату, окликнув Эмити по имени – а увидев ее, выдохнул «Ну слава богу», – она хотела подбежать к нему, обхватить руками, почувствовать, как он сжимает ее в объятиях. Но сдержалась. Всему свое время. Иногда нужно найти убежище в руках любимого человека, а другой раз – выпрямиться во весь рост и встать лицом к лицу с великим злом. Если перепутаешь такие моменты, то неминуемо погибнешь ближе к концу романа, когда эмоции зашкаливают, а кровь льется рекой. (Читательница, собиравшаяся вскоре стать писательницей, Эмити всегда подмечала литературные приемы.) Пока что она не понимала, с каким великим злом ее свела судьба, но уже видела его приспешников, когда в гости к ним с папой наведился Фолкерк со своими подручными. Кем бы ни был Страшила Эд, какие бы опасности ни таил в себе ключ ключей, Эмити с отцом вляпались в серьезное *merde* и отныне им потребуется чрезвычайное мужество.

Отец подошел к ней. У него в глазах стояли слезы, и Эмити тут же отвернулась. Чего сейчас никак нельзя делать, так это проявлять слабость. Джеффи, такой же запойный читатель, как и Эмити, прекрасно понимал, как вести себя в этой странной ситуации. Дочь поступила правильно: дала ему пару секунд, чтобы прийти в себя.

Не успел папа хоть что-то сказать, как внимание обоих привлек громкий шум мотора.

Эмити подошла к окну. Отец встал рядом. На заднем дворе был человек с газонокосилкой. Он явно намеревался закончить работу, пока не начался дождь. Садовника у них не было. Папа сам косил газон. И если уж на то пошло, именно папа сейчас управлял газонокосилкой во дворе. Однозначно это папа, потому что одинайцевых близнецов у папы нет.

И вот, как только тебе показалось, что ты совладал с собственным страхом, он нападает с удвоенной силой, словно ошалевшая кошка. У Эмити был папа, но не было мамы. После ее ухода в жизни девочки образовалась зияющая пустота, но второй папа эту пустоту не заполнит. Два одинаковых папы – это уже слишком. Наверное, мужчина во дворе – доппельгангер, прозрачный двойник живого человека. Они с папой однажды читали рассказ про доппельгангера. Да, не повезло тому, чье место решила занять эта проклятая тварь. Избавившись от настоящего отца, злобный двойник возжелал скормить его детей – девочка, кстати, была очень похожа на Эмити – волшебному крокодилу, здоровенному такому, чтобы крокодил потом спрятался

в бездонном болоте, а дети вечно жили бы у него в брюхе, звали бы на помощь и не могли бы дозваться. К счастью, птица по имени Подберица – она прислуживала крокодилу, чистила ему пасть и кормилась остатками мяса с его зубов – пожалела брата с сестрой и спасла их от такой печальной участи. Пока крокодил спал, Подберица стащила все его крокодильи зубы, чтобы он больше никого не съел. В реальном мире, однако, если допфельгангер займет папино место, никаких волшебных крокодилов не будет и никакая птица не станет выручать Эмити из затруднительного положения. Злобный двойник попросту задушит ее, а тело растворит в концентрированной щелочи. До суповой консистенции, а потом смоем в унитаз. Реальный мир будет страшнее самых мрачных сказок.

Не отводя глаз от мужчины с газонокосилкой, она вздрогнула:

– Это не наш дом. Это вон чей дом.

– Он – это я, – произнес отец с некоторым удивлением в голосе.

С учетом обстоятельств Эмити простила его за констатацию очевидного факта. Простила, честное слово.

Она отошла от окна, испугавшись, что допфельгангер отвлечется от своего занятия и заметит ее. Обвела глазами преобразившееся помещение и сказала:

– Моя комната больше не моя. Здесь нет никаких моих вещей. Может, я и не жила здесь вовсе. Или мама забрала меня с собой...

– Я бы такого не допустил.

– ...или ты на ней не женился, а я так и не появилась на свет.

Эмити взглянула на отца и тут же об этом пожалела. Потрясенное лицо, ужас во взгляде, безвольно обвисшие щеки, дрожащие губы... Увидев все это, она сама чуть не расклеилась.

– Давай сюда эту штуkenцию, – сказала она, протянув руку. – Ключ, или как его там?

Джеффи показал ей ключ, но в руки не дал. На экране были кнопки с надписями: «ДОМ», «ВЫБОР», «ВОЗВРАТ», а ниже, мелким шрифтом – совсем непонятная строчка: «Временная шкала 1.13. Каталогизировано».

– Знаешь, что я думаю? – прошептал Джеффи, словно другой Джеффи Колтрейн мог слышать его за шумом газонокосилки.

– О да, я знаю, что ты думаешь, – заверила его Эмити.

– Понимаю, звучит безумно, но такое ощущение, что это...

– Параллельный мир.

– Угу. Параллельный мир.

– Так и знала, что у тебя на уме.

– Но так не бывает.

– А вдруг бывает?

Умнейшие физики – не один, не двое, а гораздо больше, может, даже половина всех умнейших физиков – считали, что существует бесчисленное множество вселенных и постоянно появляются новые. В этом мультиверсуме существуют другие планеты под названием Земля – назовем нашу планету первичной Землей, – чья история отличается от истории нашего мира. Некоторые Земли отличаются от первичной Земли сущими мелочами, – например, в тех мирах так и не изобрели лак для волос и все вечно ходят со всклокоченной шевелюрой. Другие, однако, совсем не похожи на нашу планету.

Одно можно сказать наверняка: чем сильнее отличается параллельная Земля от первичной, тем больше опасностей поджидает Эмити и ее отца. Они читали несколько романов о параллельных мирах, и персонажи там мерли как мухи – гораздо чаще, чем в книгах о драконах, ведьмах и троллях, обитающих под мостами.

Подобно многим, Эмити то и дело вставала между двумя зеркалами, чтобы полюбоваться своими бесчисленными отражениями. Неужели миров и правда бесконечное множество, а значит, и девочек по имени Эмити Колтрейн тоже не счесть? Просто ужас что такое.

Отступив от окна, папа посмотрел на ключ ключей и сказал:

– Вот дерьмо.

Отец нечасто употреблял подобного рода выражения. Эмити так и вовсе запрещено было произносить такие слова: не доросла еще, это слова для взрослых, чтобы речь звучала более увесисто, чем у детей. Но она поняла, что вскоре будет довольно часто пользоваться подобными фразами. В нынешних обстоятельствах взрослеешь не по дням, а по часам.

– Итак, чтобы вернуться домой, – сказал папа, – нужно всего лишь нажать на кнопку «ДОМ». По-моему, это очевидно.

– Ты же знаешь, что бывает в книжках, когда положительные персонажи выбирают самое очевидное решение, – возразила Эмити.

– Они оказываются в еще большем дерьме.

– Вот именно. А некоторые в нем и остаются.

Загорелое лицо отца, побледнев, приобрело жутковатый серо-бурый оттенок. Джеффи посмотрел в окно, на экран устройства, опять в окно, снова на экран.

– Было бы неплохо узнать что-нибудь новое про человека, который изобрел эту хреновину. Что он думал, когда давал названия кнопкам? Что означают все эти «ДОМ», «ВЫБОР» и «ВОЗВРАТ»?

– Так загугли: «Страшила Эдвин Харкенбах».

– Ага. Загуглю. Обязательно. Но нам бы лучше убраться отсюда, пока я... пока вон тот «я» не закончил косить газон. И не вернулся домой, чтобы пропустить стаканчик чая со льдом.

Экран устройства погас.

– Пойдем в город, – решил папа. – В библиотеку. Сядем за компьютер и читаем про Эда.

Подумав о предстоящей прогулке по альтернативной версии Суавидад-Бич, Эмити почувствовала страх пополам с приятным волнением. И не только потому – совсем не потому, – что выход из дома обещал превратиться в захватывающее приключение. Если здесь по-прежнему живет Мишель Джеймисон, если в этом мире она так и не вышла замуж за Джеффи Колтрейна, если она вообще не вышла замуж, если так и не преуспела на музыкальном поприще, ей сейчас года тридцать три. Не исключено, что она готова изменить свою жизнь. Вдруг она влюбится в папу и отправится с ними в другой Суавидад-Бич, где у нее будет любящая дочь, которой так не хватает мамы? Эта Мишель их не бросит. Вот о чем думала Эмити, вот во что верила, а если вера твоя достаточно сильна, ты способен изменить будущее. В реальном мире, как и в романах, бывают самые невероятные хеппи-энды.

– Пойдем, – сказал папа, когда газонокосилка за окном умолкла.

Эмити посадила Снежка в карман джинсовой куртки.

В коридоре Джеффи задержался у постера 1935 года с изображением корабля компании «Френч лайн» под названием «Нормандия» – рекламы трансатлантических путешествий из английского Саутгемптона в Нью-Йорк.

– Я продал его много лет назад.

– Не в этом мире, – сказала Эмити.

Переглянувшись, они наконец-то осознали всю странность нынешней ситуации. Изумлению и тревоге их не было предела.

Джеффи поспешил к входной двери. Эмити не отставала. А что, если где-то в городе живет со своей мамой еще одна Эмити? Что случится, если они столкнутся лицом к лицу?

От этой мысли у нее кольнуло в сердце, словно какой-то злокозненный вудуист сделал куклу, нарек ее именем Эмити и пронзил булавкой.

Из шкафа в прихожей папа стащил легкую куртку и сунул ключ ключей в карман.

Прочь из дома, бегом по веранде, вниз по ступенькам, в переулок Тенистого Ущелья и налево, на улицу Полых Дубов, к центру Суавидад-Бич.

В небесах клубились серо-черные тучи. Было душно. Все застыло в предчувствии грозы.

Над головой кружили вороны, десятки ворон, то в одну сторону, то в другую. Жаль, что Эмити не ведунья, способная читать будущее по природным знакам. Наверняка эти вороны здесь неспроста.

Часть вторая

Искушение вероятностью

14

В этой версии Суавидад-Бич – вполне вероятно, здесь Эду Харкенбаху не пришлось спасаться бегством от таинственных спецагентов, он не стал бездомным, не жил в каньоне и никогда не сиживал на веранде у Джеффи – экономика, очевидно, была в рецессии. Даже с поправкой на апрель с его тучами, готовыми пролиться дождем, туристов было на удивление мало – и на Лесной авеню, и на Прибрежном проспекте, где находились почти все магазины и художественные галереи. В некоторых лавках ни души, витрины закрыты ставнями, а ведь в той версии города, откуда прибыли Джеффи с дочерью, торговля цвела буйным цветом и арендовать коммерческое помещение было весьма проблематично.

Шагая по городу, Джеффи осматривал каждое здание – скорее с подозрением, чем с любопытством. Скорее даже с тревогой, чем с подозрением.

Квантовая физика, чьи законы дали толчок почти всем технологическим прорывам последних десятилетий, предсказала существование бесконечного числа параллельных вселенных, невидимых друг для друга, но некоторым образом влияющих одна на другую. Иногда у них общая судьба, столь запутанная, что ее невозможно осознать. Весьма вероятно, что в некоторых мирах никогда не было Соединенных Штатов, что на этом континенте так и не укоренилась власть европейских держав, что здесь до сих пор поклоняются кровожадным богам ацтеков, держат рабов, совершают человеческие жертвоприношения и распространяют свою цивилизацию на север.

Ясно, что они с Эмити оказались в реальности, очень похожей на их родной мир, но даже здесь могут таиться сюрпризы куда хуже, чем плохая погода и экономический спад.

Каков государственный строй этой Америки? Стабильная демократия? Или страна балансирует на грани тирании? Меньше чем за десять минут Джеффи заметил мужчину, женщину и еще одного мужчину в черной форме из мягкой ткани, похожей на пижамную фланель. На головах у них были черные вязаные шапочки. Станный наряд, обычно последний писк моды выглядит несколько иначе. Хотя эти трое шли не вместе, они походили на членов какой-то секты или организации фашистского толка.

Джеффи не нравился этот мир. Ему хотелось домой.

– Держись рядом, – велел он дочери и взял ее за руку.

Ладонь Эмити показалась ему ужасно маленькой и хрупкой.

Джеффи знобило, и вовсе не из-за температуры воздуха, хотя день был прохладный.

Библиотека стояла на Олеандровой улице, под раскидистыми кронами старых финиковых пальм, рядом с городской управой. Здание в стиле испанской колониальной архитектуры выглядело весьма симпатично, но вместо оранжевой черепицы было крыто серым шиферным листом. На коньке расположились тринадцать здоровенных ворон, словно живые тотемы некоего племени злых колдунов, хранивших в библиотеке древние тома с запретными знаниями. Птицы вытягивали шеи и разевали клювы, не издавая при этом ни звука, словно осыпались безмолвными проклятиями всех, кто отважится сюда войти.

У библиотечарши в главном зале был суровый вид и взъерошенные седые кудри. Не красавица, но чем-то похожа на Эльзу Ланчестер в «Невесте Франкенштейна», взгляд бегающий, а губы крепко сжаты, словно она обижена на весь мир. В их с Эмити вселенной Джеффи ни разу не встречал этой библиотечарши. Женщина не поздоровалась и, похоже, не обратила на них

никакого внимания. Она мрачно листала книгу, лежавшую на самом верху высокой стопки, и тщательно всматривалась в страницы, словно выискивала сахарных чешуйниц, поедающих бумагу. Вдруг библиотекарьша захлопнула книгу и удовлетворенно хмыкнула, словно нашла наконец вредное насекомое и с удовольствием его раздавила.

В зале было множество шкафов с книгами – побольше, чем во многих нынешних библиотеках, – а за ними компьютерный уголок с четырьмя терминалами для доступа в Интернет. Освещение тусклое, совсем не такое, как в библиотеке того Суавидад-Бич, откуда явились Джеффи с дочерью. В углах зала – светло-серые комки пыли, такой же пылью припорошены компьютерные мониторы. В неподвижном воздухе стоял едва заметный запах бумажной плесени, словно в смежных помещениях давно уже не проводили надлежащей уборки.

Судя по всему, в данный момент Джеффи и Эмити были единственными гостями библиотеки. Усевшись за компьютер, они загулили имя Эдвина Харкенбаха. Оказалось, что полностью его зовут Эдвин Марстен Харкенбах.

В интернет-океане данные по Эду являли собой даже не остров, а небольшой континент. Доктор Харкенбах, шестидесятичетырехлетний любитель галстуков-бабочек, имел три ученые степени, написал двадцать шесть книг и более пяти сотен статей, почти четыреста раз выступал на публике и получил множество наград за научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность.

Смущенный объемом материала, Джеффи перешел на страницу «Википедии», чтобы ознакомиться с краткой биографией Эда. Оказалось, что плодовитый Харкенбах, весьма яркий представитель научного сообщества и заметная фигура в мире физики, четыре года назад почти перестал появляться на людях. За это время он не опубликовал ни новых книг, ни даже статей и лишь несколько раз засветился на конференциях.

– Сто процентов, тогда-то он и начал работать над проектом, – прошептала Эмити, достала Снежка из кармана и накрыла его ладонью.

– Каким проектом?

– Над проектом «Ключ ключей».

Джеффи кивнул:

– Наверное, все это время тратил миллиардные гранты.

Снежок высунулся из-под ладони Эмити. Посмотрел направо, налево, поводит носом. Похоже, библиотека его заинтриговала.

Если верить «Википедии», жена Харкенбаха (ее звали Рина) умерла от рака, когда обоим было по тридцать пять лет. После этого Эд больше не женился. Детей у них с Риной не было, и Харкенбах посвятил всю свою жизнь работе.

– Зря мы называли его Страшилой, – сказала Эмити, читавшая биографию профессора вместе с отцом. – Ему больше подходит Дядя Горемыка.

Многомиллиардный исследовательский проект, посвященный поиску параллельных миров – цель, признаться, экзотическая, – скорее всего, был развернут в обстановке строжайшей секретности. Вряд ли Эд писал статьи об этой разработке или рассказывал о ней во время своих выступлений.

Однако правительство поручило бы Эду такой проект лишь в одном случае: если бы он глубоко интересовался теорией мультиверсума задолго до того, как на него обрушились все эти миллиарды долларов. Наверное, он написал множество работ на эту тему, а потом уже получил возможность заняться поиском дверей, ведущих в бесконечный континуум параллельных миров.

Закрыв страничку «Википедии», Джеффи нашел сайт с внушающим доверие списком книг Эда Харкенбаха, но тут краем глаза уловил движение в зале. Обернувшись, он увидел еще одного посетителя библиотеки. Тот устроился в сорока футах от компьютерного уголка, за длинным читательским столом, по бокам от которого высились восьмифутовые стеллажи

с книгами. Он был в черной форме из мягкой ткани и черной вязаной шапочке. Мужчина протянул руку к ближайшей полке и взял газету.

Сунув Снежка в карман курточки, Эмити шепнула:

– Этот тип, прежде чем сесть, с минуту нас рассматривал. Он мне не нравится.

– Да ладно тебе, обыкновенный чудик, – неуверенно сказал Джеффи. – У нас и дома таких хватает, разве что одеваются по-другому.

Просматривая список трудов Эда Харкенбаха, он зацепился взглядом за название книги, опубликованной восемь лет назад: «Бесконечное множество вселенных: параллельные миры и квантовая реальность». Ознакомился с кратким содержанием и сказал:

– Вот оно. То, что нам нужно. Интересно, найдется ли здесь экземпляр?

Он уже собирался закрыть браузер, но Эмити остановила его:

– погоди! Пап, давай еще кое-что посмотрим. Прежде чем поймем, за что отвечают три кнопки – ну, на ключе, – прежде чем отправимся домой... если у нас, конечно, получится, я хочу поискать ее имя.

– Какое имя? – спросил Джеффи, хотя все понял.

Перспектива была заманчивой и вместе с тем пугающей.

Эмити сделала равнодушное лицо – совсем как у фарфоровой куклы, – но ее выдали голубые глаза. Не глаза, а озера, полные тоски.

– Мишель Мелинда Джеймисон.

– Милая, не накликать бы новую беду.

– Да, понимаю. Мне самой не по себе.

– И мне. Найти местную версию твоей мамы, чтобы она пожелала отправиться с нами домой? Не думай, что это так просто.

– А вдруг?

– Нет, милая. Может, она замужем за здешним мной – тем, кто косил газон. Она же не станет бросать одного мужа ради другого, в точности такого же.

Эмити помотала головой:

– В том доме не было никаких женских штучек. Ты живешь там один.

– Знаешь, что нам нужно? Разобраться с этими кнопками. Это самое срочное, самое важное наше дело.

– Да ясно. Но... если она здесь и у нее никого нет...

– С этим миром что-то не так! – не сдержался Джеффи. – Нужно уматывать отсюда, и побыстрее!

Закусив губу, Эмити отвернулась, несчастная и совсем одинокая.

Джеффи отчаянно любил свою дочь. Готов был жизнь за нее отдать. Столь сильная любовь способна наделить человека отчаянным мужеством. И толкнуть его на глупые поступки.

Помедлив, он ввел в окошко поиска имя Мишель Мелинда Джеймисон.

Да, она действительно существовала в этом мире. Более того, проживала в Суавидад-Бич, в доме на Вишневой улице, там же, где жила со своим отцом, Джимом Джеймисоном, пока не вышла замуж за Джеффи.

– Пап, нужно с ней повидаться. Мы с ней повидаемся? Ну пожалуйста!

Джеффи задумался. Да, Эмити – неглупая девочка, но слишком увлекается фэн-тези-романами, а ведь там сплошной вымысел. К тому же она слишком мала и не осознает, что подобная встреча запросто может пойти не так, как надо, – по множеству причин. И останется от такой встречи один лишь неприятный осадок. В отличие от дочери, Джеффи прекрасно понимал, что поход на Вишневую улицу, скорее всего, выльется в душевную травму. Однако он, романтик до мозга костей, семь долгих лет дожидался чудесного возвращения

Мишель. Хотя его мучило тревожное предчувствие, такое тяжелое, что он даже дышал через силу, Джеффи сказал:

– Ну ладно. Если найдем книгу Эда, если разберемся, как пользоваться ключом, тогда наведаемся на Вишневую улицу и посмотрим, как дела у Мишель.

Наградой ему была улыбка Эмити, и в других наградах он не нуждался.

Однако его ответная улыбка была вовсе не такой искренней. Джеффи только что пообещал совершить безумный, безрассудный, опрометчивый поступок. Обещание, рожденное в горниле отцовской любви, и радовало его, и беспокоило.

– Пап, ты самый лучший человек на свете, – сказала Эмити.

«Хотелось бы надеяться, что я достоин такого звания», – подумал Джеффи.

Они с Эмити пошли вдоль стеллажей, высматривая раздел научной литературы, где вполне могла найтись книга Харкенбаха, и стараясь не смотреть на человека, который сидел за столом, держал в руках газету и даже не делал вида, что читает ее.

15

Окна библиотеки располагались высоко над стоящими вдоль стен стеллажами. Затишье на улице сменилось легким бризом. Темно-серые тучи неторопливо плыли на юг, а пышные кроны финиковых пальм еще не бились на ветру, но уже медленно шевелились, словно бесчисленные ротовые щупальца актинии в поисках пищи. Гипнотическое зрелище.

Пока Джеффи с дочерью искали книгу Эдвина Харкенбаха, покой библиотечного зала то и дело нарушали странные воздушные потоки меж долговязых стеллажей, словно коллекцию книг просматривала некая незримая сущность. Быть может, мятежные духи прошлых посетителей тщетно искали руководство для «чайников» под названием «Как перестать быть призраком и наконец умереть по-настоящему».

В зале пахло книжной пылью и пожелтевшей бумагой. Время от времени к этим романтическим ароматам примешивался неприятный, но мимолетный душок плесени. Дважды Джеффи улавливал легкий запах гари, намек на зловоние пожара, тут же поднимал глаза к сводчатому потолку и вертел головой, ожидая увидеть дымную пелену.

– Вот! – выдохнула Эмити и провела кончиком пальца по корешкам нескольких томов.

Харкенбах написал уйму книг, но в библиотеке было лишь семь томов с его фамилией на корешке. Среди них, однако, нашелся экземпляр «Бесконечного множества вселенных». Обложка была украшена звездной россыпью, а между яркими красными буквами заголовка стояли такие же, но бледно-голубые.

Хотя в книге насчитывалось всего триста двенадцать страниц и она предназначалась для широкой публики, а не для физиков-профессионалов, читать ее, стоя в библиотечном проходе, было некогда. К тому же по неясной причине Джеффи совсем не хотелось, чтобы человек в черном застукал их за чтением.

У него с собой был читательский билет библиотеки Суавидад-Бич, но интуиция подсказывала, что здесь такой документ не прокатит. Взъерошенная библиотекарша отвергнет его, поджав губы, конфискует книгу и наверняка отпустит какое-нибудь замечание – достаточно громко, чтобы привлечь внимание мужчины в черном, уже проявлявшего нездоровый интерес к ним с Эмити.

Джеффи передал книгу дочери и тихонько сказал:

– Ты выглядишь не так подозрительно, как я. Ослабь ремень, сунь книжку в джинсы и застегни куртку.

– Мы что, хотим ее украсть? – шепнула Эмити.

– Нет, милая, не украсть.

– А что?

– Взять на время. Правда, без разрешения. Позже вернем.

– Ну хорошо.

– Ничего хорошего. Пусть это и не кража, но все равно так делать нельзя. Сейчас у нас нет выбора, но это первый и последний раз.

Эмити спрятала книгу – в точности как велел Джеффи.

– И постарайся не делать виноватое лицо, – добавил он.

– Оно у меня не виноватое, – возразила Эмити.

– Все равно какое-то не такое. Значит, слушай: идем прямо к выходу. Не спеши. Расслабься. Веди себя непринужденно.

– Песенку насвистывать?

– Это шутка?

– Ну да.

– Сейчас не до шуток.

Они развернулись в проходе между стеллажами и тут же застыли: перед ними стоял человек в черном. У него было несчастное лицо, похожее на поросычье рыло, но в глубоко посаженных глазках читалась угроза. Человек смерил их нахальным взглядом, и мясистые ноздри его раздулись, как будто он почуял трюфель.

– Нашли, что искали? – с подозрением спросил он.

По тону было ясно, что мужчина задал свой вопрос вовсе не для того, чтобы помочь им с поисками.

– Да, сэр, спасибо, – безмятежно ответил Джеффи. – Дочке задали сделать проект, моторизованную модель Солнечной системы, и мы разбирались, у каких планет больше одной луны, а у каких и вовсе нет спутников. Вот, разобрались.

Незнакомец в наряде а-ля японский шпион-ниндзя выглядел довольно-таки нелепо, но по его тону и манерам можно было сделать вывод, что этот человек облечен властью и привык, что к нему относятся с уважением.

– Вот как? Модель Солнечной системы? Девочка, сколько тебе лет?

Джеффи понял, что модель Солнечной системы, да не простая, а моторизованная, – чересчур претенциозный проект для шестиклассницы. Понять-то понял, но было уже поздно. Эмити, однако, тут же залатала эту прореху в его легенде.

– Мне почти четырнадцать, – соврала она. – Сейчас я коротышка, но это не навсегда. Скоро у меня будет скачок роста. Вытянусь до пяти футов восьми дюймов, а то и девяти, и надо мной перестанут потешаться. Кстати говоря, жду не дождусь. Папа сделает так, чтобы все планеты и спутники вертелись туда-сюда. Представляете, как меня зауважают?

Джеффи рад был, что Эмити у него такая сообразительная, но соврать с такой готовностью, да так убедительно... Он слегка оторопел.

– Ты что, замерзла? – скептически поинтересовался человек в черном. – Зачем застегнулась наглухо? Здесь не холодно. Скажи, девочка, что у тебя под курткой?

Встав к нему вполоборота, Эмити быстро расстегнула две верхние пуговицы и вытащила Снежка из наружного кармана – с таким видом, словно он все время сидел во внутреннем.

– Это Снежок, моя мышка. Я его всюду с собой ношу, он ни разу не сбежал. С ним вообще никаких проблем. На книжки он не какает, ничего такого. Вы уж простите. Зря я притащила его в библиотеку.

Охранник – если это был охранник – сердито нахмурился:

– Странный у тебя питомец. – Он взглянул на Джеффи так презрительно, словно оскорбился до глубины души. – Ну что вы за отец? Зачем позволяете дочери держать такую мерзость?

В той Калифорнии, откуда прибыли Джеффи и Эмити, выговор от человека, похожего на статиста из второсортного китайского боевика, был бы встречен гневной отповедью, но в альтернативной версии США к такой загадочной персоне следовало относиться с осторожностью.

– Да, сэр. Конечно, вы правы. Наверное, я слишком ее балую. С тех пор как... с тех пор как скончалась ее мать.

Этот несостоявшийся гестаповец явно считал себя важной птицей, страдал от комплекса вахтера, грубил и лез не в свое дело, но в нем все же оставалась кроха человечности. При упоминании о семейной трагедии лицо его смягчилось. Он посмотрел на Эмити и снова перевел взгляд на Джеффи:

– Ну ладно. Может, и не стану записывать вас на родительские курсы. Но давайте-ка выметайтесь отсюда. Только тварь свою не забудьте. И купите дочери нормального питомца из списка рекомендованных домашних животных, чтобы не позорить дух нации.

– Куплю, – заверил его Джеффи, хоть и не понял, о чем идет речь. – Спасибо за понимание.

Не оборачиваясь на самодура в черном, они с Эмити начали пробираться через лабиринт стеллажей, пока наконец не оказались в фойе, где Джеффи снова увидел библиотекаршу с всклокоченными седыми кудрями. Она быстро шла к читальному залу, толкая перед собой тележку с недавно просмотренными книгами. Когда библиотекарша скрылась в арке, снова потянуло дымом. Душок был едва заметный, но Джеффи подумал, что так пахнет горящая бумага.

И открыл дверь в чужой мир, чувствуя, что по спине у него бегут мурашки.

16

Эмити надеялась, что буря подождет до вечера. Затянутое небо грозило ливнем, но прошло уже несколько часов, а оно так и не реализовало свою угрозу. Птицы, спрятавшись было от грядущего дождя, снова поднялись в воздух. Белые чайки, кружившие на фоне грязно-серых туч, то и дело устраивали шум, ругая непогоду. Бурые пеликаны снялись со своих гнезд где-то в лагунах и теперь безмятежно скользили по небу, храня вечное молчание. Крикливые вороны металась от дерева к дереву с таким видом, будто их преследовали невидимые хищники.

У Эмити с отцом не было возможности изучить книгу Эда Харкенбаха в спокойной обстановке в переулке Тенистого Ущелья, у себя дома, – ведь в этом безумном мире их дом принадлежал другому Колтрейну. Не исключено, что не такому доброму, как тот отец, которого она любила. Вряд ли папин дубликат будет конченным злодеем – в этом мире или в любом другом. Пусть миров многие тысячи, но ни один из Джеффи Колтрейнов не способен превратиться в душегуба вроде Ганнибала Лектера, это уж точно. Хотя некоторые Колтрейны могут оказаться невероятными занудами. В любом случае им с отцом совсем не нужно, чтобы один Джеффи встретился с другим – в мире, где должен быть только один Джеффи. Вряд ли кто-то из них взорвется или прекратит свое существование каким-нибудь иным образом, но и такую вероятность тоже нельзя списывать со счетов.

Папа решил отправиться в кафе «У Харбисона», сесть за дальний столик и почитать книгу за едой. Но в этом мире кафе называлось «У Степто» и было совсем не такое ухоженное, как заведение Харбисона. Заметив разницу, папа вдруг задумался, сойдет ли содержимое его кошелька за деньги в здешних Соединенных Штатах. Может, его доллары настолько отличаются от местной валюты, что кассир откажется их принимать и закатит сцену.

Надеясь, что грозовые тучи уйдут к югу и там уже прольются дождем, отец с дочерью отправились в центр города, в приморский парк, где вышли на газон и расположились на лавочке с видом на белый песчаный пляж.

Тучи отражались в воде, и океан был похож на безжизненное пепельное болото, словно все города на побережье – и большие, и поменьше – сгорели, а ветер разнес золу по воде. Зловещий шелест серого прибоя, казалось, предвещал разруху и запустение. С моря тянуло йодом и гниющими водорослями.

Для серферов волны были мелковаты. Купальщиков на пляже не было: должно быть, разошлись, опасаясь шторма. В сотне ярдов от парка проходило Прибрежное шоссе, но движение было совсем не таким напряженным, как в родном мире Джеффи и Эмити. Наверное, здешние жители не очень-то любили переезжать с места на место, или же такие поездки не приветствовались властями. Эмити не особенно разбиралась в автомобилях, но ей показалось, что в этом Суавидад-Бич марок и моделей значительно меньше, чем в ее родном городке. Все машины были коричневыми, серыми или черными. Несмотря на глубокий оттенок неба и шум океанских волн, пасмурный день казался вялым, скучным и бесцветным.

Поглядывая на птиц, Эмити достала Снежка из кармана куртки и высадила на землю, где он тут же справил естественные надобности, после чего принялся исследовать территорию у ног хозяйки. Тут-то девочка и заметила гильзы: по всей траве были разбросаны тускло поблескивающие цилиндры, словно в парке недавно случилась перестрелка.

Усидеть на жесткой бетонной лавочке было непросто, но читать книгу Харкенбаха оказалось еще труднее. Старина Эд – даром что гений – не умел излагать мысли простыми и понятными предложениями. Такое чувство, что книга была написана для марсиан. Папа не спеша просматривал страницы и зачитывал некоторые отрывки вслух, но Эмити почти ничего не понимала. Лишь одна цитата показалась ей полезной.

Старина Эд, бездомный гений в бегах, страшила и горемыка, утверждал: посетив параллельный мир (или, говоря словами из книги, «альтернативную временную шкалу»), его координаты можно будет внести в некий каталог. Таким образом, путешествующие по мультиверсуму смогут переместиться в определенную реальность, а не скакать по всему диапазону миров, словно игральные кости.

По словам папы, теперь стало ясно, что означает нижняя строчка на экране: «Временная шкала 1.13. Каталогизировано».

– Если считать наш мир первичной Землей, то любой другой мир – это новая временная шкала. Логично? По-моему, да.

Ситуация была совсем не идеальная, но Джеффи переполняло мальчишеское воодушевление. Он любил узнавать что-нибудь новое, обожал разгадывать загадки и решать всевозможные головоломки.

– Значит, мир, в котором мы сейчас находимся, был внесен в каталог. Путь к нему записан в памяти устройства под названием «Земля 1.13». Наверное, этот мир – тринадцатый по счету от нашего. Что скажешь?

– Ну, пожалуй. – Эмити внимательно смотрела на плывущие по небу тучи, словно опасалась, что из-за них появится дракон, схватит ее и унесет с той же легкостью, с какой ястреб уноситмышь.

Хотя непохоже, чтобы здесь водились драконы. Вокруг нет ни замков, ни рыцарей на бронированных скакунах – короче говоря, ничего, что могло бы навести на мысль о драконах. Однако в реально хороших книжках неожиданности случаются гораздо чаще, чем предсказуемые события. Эмити нравились крутые повороты сюжета, но она вовсе не горела желанием столкнуться с ними в реальной жизни.

Осторожно, чтобы не наступить на Снежка, девочка встала со скамейки, нагнулась и подняла с травы несколько гильз. Они были холодные. «Холодные, как смерть, – подумала она. – Здесь кого-то убили. Может, одного человека, а может, и нескольких. В общественном парке. Скверное местечко. Пора бы нам убраться отсюда, к чертовой матери».

Озвучивать эти мысли она не стала: помнила, что в некоторых фэнтези-романах не самого высшего качества встречаются персонажи-девочки, то и дело теряющие присутствие духа. Как только они начинают истерить, их спасает принц, сказочный волк или семейство добродушных дворфов. На их долю не выпадает настоящих приключений: такие персонажи только и делают, что ждут, чтобы их спасли. Эмити их терпеть не могла и уж точно не собиралась вести себя как эти клуши. Несмотря на стреляные гильзы в траве (их было много, а значит, здесь произошло нечто ужасное), нельзя утверждать, что в парке кого-то убили, поэтому Эмити не побежит к папочке за утешениями вроде «ничего страшного, не забивай себе голову, ты ж моя красавица».

Почитав еще немного, папа достал из кармана ключ ключей и коснулся круглой кнопки. Экран засветился серым. На нем появились еще три кнопки.

– Наверное, если нажать на «ВЫБОР», ничего страшного не случится.

– Не факт, – возразила Эмити.

– Готов спорить, что на экране появится клавиатура, чтобы я мог ввести адрес того мира, куда собираюсь отправиться. И еще какие-нибудь кнопки для подтверждения координат.

– Мы просто хотим попасть домой. – Эмити высыпала на бетонное сиденье пригоршню гильз, и они зазвенели, словно волшебные колокольчики. – Больше нам никуда не надо.

– Если кнопка «ВЫБОР» работает так, как я думаю, – продолжал папа, хмуро глядя в книгу, – то кнопка «ДОМ» сделает именно то, что на ней написано: вернет нас на первичную Землю. Туда, откуда мы явились.

– Пока не нажимай, – попросила Эмити.

– Вопрос в том, что делает кнопка «ВОЗВРАТ».

– И ее тоже не нажимай, – сказала Эмити.

Джеффи положил устройство на лавочку и просмотрел еще несколько страниц, приподняв брови и задумчиво шевеля губами. Эмити тем временем добавила к первой пригоршне гильз вторую.

Снежок рискнул отойти от хозяйки чуть дальше обычного. Обнаружил недоеденную конфету и торжествующе зашуршал оберткой.

Эмити подошла к нему, по пути собирая новые гильзы, некогда содержавшие в себе смертоносный свинец. Тогда-то она и увидела зубы, определенно человеческие. Передние зубы, резцы, один надколот. Все три зуба держались на окровавленном фрагменте челюсти, словно на этом самом месте вдребезги разбилось чье-то лицо.

17

На ощупь зубы были ледяные. Девочка понимала, что на самом деле они не холоднее гильз, что лишь кажутся ледяными, что это психическая реакция. Будь Эмити одной из тех зануд, что при всяком удобном случае верещат «спасите-помогите», заорала бы так, словно у нее волосы горят, и помчалась бы к папочке. Но вместо этого она взяла себя в руки, и на то были две причины.

Во-первых, она не из тех зануд, и если когда-нибудь заметит за собой подобное поведение, то врежет себе по заднице, да так, что полетит отсюда до самой Кукамунги. А во-вторых, если папа увидит эти зубы, то немедленно схватит Эмити в охапку и заберет на первичную Землю. Плевое дело, одну кнопку нажать, и все. Но тогда они так и не зайдут в гости к Джеймисонам, живущим на Вишневой улице, – в дом, где ее, наверное, ждет мама.

Эмити выбросила найденные гильзы, сунула осколок челюсти в карман джинсов и подняла глаза на предгрозовое небо. Она не ожидала увидеть дракона. Если что-то вынырнет из-за туч, это «что-то» будет в сто раз хуже, чем огнедышащий дракон с когтями длиной в фут и горящими глазами. Эмити понятия не имела, каким окажется это «что-то». Главное, чтобы оно оставалось за тучами.

Вытирая ладонь о джинсы, она взглянула на океан. Горизонта не было видно. Серый прибой оставлял после себя полосы грязной пены. Девочке показалось, что на берег вот-вот начнет выбрасывать трупы.

Она не была пессимисткой и определенно не страдала от депрессии. Расти без матери хреново, а иногда – очень грустно, но Эмити, как правило, была совершенно счастлива, честное слово. Жизнь хороша. Более того, жизнь прекрасна. Каждый день Эмити видела какую-нибудь новую красоту, и с ней постоянно случались самые удивительные вещи – в тот момент, когда их меньше всего ожидаешь. Она же смывленная, а смывленный человек всегда настроен оптимистично. Пока не окажется на Земле 1.13. Так что Эмити не удивится, если море начнет выплевывать гниющих мертвецов. И это, кстати, вовсе не ее проблема. Это проблема здешних мест. Хотя... Может, и ее тоже, но лишь отчасти, 1.13 – отвратительный мир, перевернутый с ног на голову. Но вдруг все не так плохо, как кажется? Некоторые просто не любят новых мест. Где бы они ни оказались – в Париже, в Риме, в Рио, – всегда будут говорить, что дома лучше. Папа – домосед, он равнодушен к путешествиям. Наверное, Эмити вся в него. Тоже любит все знакомое: уютные библиотеки, где тебе всегда рады, и парки, в которых можно гулять по газону, не опасаясь найти кусок человеческой челюсти, оставшийся на месте массового расстрела.

Подняв с травы конфетную обертку, Эмити достала из нее Снежка. Он крепко держал в лапках кусочек нуги. Ну и на здоровье, подумала Эмити и посадила Снежка в карман куртки.

Преисполненная гордости за собственное хладнокровие, она вернулась к лавочке и потихому убрала с нее все гильзы: они встревожили бы отца не меньше, чем осколок челюсти.

Увлеченный чтением, папа не заметил кучки медных блестяшек.

– Положи руку мне на шею, – сказал он.

Аккуратно ссыпав медные свидетельства трагедии в траву за лавочкой, Эмити спросила:

– Зачем?

– На всякий случай.

– На какой такой случай?

– Я нажму кнопку «ВЫБОР», чтобы проверить, что я прав. Если ошибаюсь и нас занесет в другое место, нужен физический контакт, чтобы меня не перебросило одного. Помнишь, мы одновременно схватили Снежка – ну, на кухне, когда этот гаденыш забрался на экран и включил устройство?

– Он не виноват. И он не гаденыш. Просто любопытный.

– Это я так, любя.

Внимание Эмити привлек рев моторов на Прибрежном шоссе. На юг двигалась автоколонна – три огромных грузовика зловещего вида, пожалуй, даже бронированных. Сперва Эмити решила, что грузовики армейские, но потом обратила внимание, что они выкрашены в черный цвет, окна тонированы до полной непрозрачности, а на кузовах нет никаких опознавательных знаков.

Она положила ладонь на шею отцу. Тот взял ключ и коснулся кнопки с надписью «ВЫБОР».

Во время двухсекундной задержки – казалось, прошла целая вечность – Эмити подумала, что никогда больше не увидит Джастина Дакоту, живущего в конце переулка и вполне подходящего на должность будущего мужа. После этого экран ярко засветился. На нем появилась надпись: «Введите номер временной шкалы», а ниже – клавиатура.

– Так я и думал! – воскликнул папа.

Вместо того чтобы ввести номер параллельного мира, он нажал кнопку «ОТМЕНА». На мгновение Эмити показалось, что у слова «отмена» чрезвычайно грозный смысл, что сейчас будет отменено само их существование – так, словно их с папой никогда и не было. Земля под номером 1.13 выбила ее из душевного равновесия. Но клавиатура на экране сменилась тремя знакомыми кнопками: «ДОМ», «ВОЗВРАТ», «ВЫБОР», – а Эмити с отцом по-прежнему были целы и невредимы, как и Снежок, свернувшийся калачиком у нее в кармане. Наверное, вцепился в свою нугу всеми четырьмя лапками и грызет ее помаленьку.

У мышей свои преимущества. Да, живешь ты недолго, и убить тебя проще простого. С другой стороны, ты не осознаешь, насколько огромен мир вокруг тебя, насколько он опасен, сколько в нем таится неожиданностей. Не думаешь о том, сколькими способами можно расстаться с жизнью. О том, чего можешь лишиться. Мыши для счастья нужны лишь самые нехитрые удовольствия: орешек, мягкое зернышко сырного попкорна, кусочек нуги и теплый хозяйский карман.

Каково это, когда у тебя есть мать? Наверное, что-то вроде кусочка нуги и теплого кармана для мышки. Но стоит ее потерять, и становится ясно: найти ее, вернуть ее домой – весьма нетривиальное дело. Мышам такое не по плечу.

Папа встал с лавочки, сжимая в руках книгу Эда и ключ ключей. Хмуро посмотрел на небо, на океан, а потом на Эмити.

– Точно этого хочешь? – спросил он. – Уверена?

Мало ли, вдруг дочь передумала идти на Вишневу улицу.

– Ты же обещал...

– Я не об этом спрашиваю, милая.

Она смотрела ему в глаза. Отводить взгляд во время важного разговора с отцом – не самая лучшая мысль. Будь у тебя хоть тысяча поводов повернуть голову, отец безошибочно определит истинную причину, и тогда ничего не спрячешь. Иногда эта его способность казалась сверхъестественной, честное слово, но других сказочных талантов у папы не было. Он не мог ни летать, ни проходить сквозь стены, так что умение читать дочкины мысли было, пожалуй, лишь развитым отцовским чутьем. Любитель старины, бакелитовых приемников и постеров ар-деко, для всех окружающих он был Джеффи, но для дочери иногда превращался в Джеффри.

– Да, хочу, – ответила она. – Мы обязаны туда сходить. Может, она там одна. Может, ей грустно. Может, она живет в невыносимых условиях или попала в беду.

– В невыносимых условиях? – Отец хотел напомнить, что лишний драматизм ни к чему. – Попала в беду, да?

– Конечно. Почему нет? Сам посуди: время от времени люди попадают в беду. Не только в кино или книжках, но и на самом деле. Вдруг ей нужна помощь? В любом случае мы... мы с тобой своих не бросаем.

Эмити не отвела взгляда. На сей раз не выдержал Джеффи. Опустил глаза и уставился на правый карман ее джинсов, где лежал фрагмент челюсти с тремя зубами. Такое чувство, что папа способен видеть сквозь джинсовую ткань и знает, какую жуть Эмити подобрала на газоне.

Она чуть не показала ему свою находку, чуть не выпалила, что этот мир еще страннее и мрачнее, чем кажется, что нужно спасти Мишель, забрать ее из этого города, где людей расстреливают в общественном парке, но тут поняла, что непроизвольно сунула правую руку в карман и стиснула осколок челюсти в кулак. Вот что заметил папа: напряженную руку и кулак в кармане. И еще – *merde!* – кулак ее дрожал. Дурацкий кулак выдавал ее с головой.

Выпустив зубы, она достала руку из кармана. Чуть было не отерла ладонь о штанину, но вовремя спохватилась: папа тут же поймет, что в кармане у нее какая-то гадость.

С предательской рукой нужно было что-то делать, и Эмити указала на ключ ключей:

– Ты же вроде разобрался, как им пользоваться. Если начнутся неприятности, перебро-
сишь нас домой.

Джеффи повернулся к Прибрежному шоссе. Посмотрел на торговую улицу, на дома, яру-
сами стоящие на холмах. К счастью, в тот момент на дороге не оказалось огромных брониро-
ванных грузовиков – черных, без маркировки, с наглухо тонированными стеклами.

Тем не менее Джеффи сказал:

– Мне здесь не нравится.

– Мне тоже. Вот почему нельзя ее здесь бросать, пап. Может... может, ей без нас не
обойтись.

Джеффи снова посмотрел ей в глаза. На сей раз никто не отвел взгляда.

– Ну хорошо. – Он сунул ключ ключей в карман и забрал книгу со скамейки. – Но только
по-быстрому.

18

Прибрежное шоссе спускалось с холмов на севере, проходило через центр города, мимо парка и общественного пляжа и поднималось в холмы на юге. Вдоль дороги, квартал за кварталом, стояли мотели, гостиницы, магазины, рестораны и арт-галереи, ибо Суавидад-Бич давно уже был одним из популярнейших калифорнийских курортов. Но в этот день и в этом мире дефицит туристов (на тротуарах почти никого не было) нельзя было списать на одну лишь непогоду. Многие заведения были закрыты, а это говорило об экономическом спаде, а то и о кризисе.

Джеффи и Эмити вышли из парка и направились на юг. На втором перекрестке они заметили, что впереди, ближе к холмам, напротив галереи Гиффорда, стоит полицейская машина, а рядом с ней – черный фургон без маркировки.

– Неужели Эразм ограбили? – взволнованно спросила Эмити.

– Это вряд ли, – успокоил ее Джеффи. – Кто же станет грабить галерею?

В Суавидад-Бич жило множество художников и прочих людей искусства, а движущей силой этого процветающего сообщества давно уже был Эразм Гиффорд. На первом этаже его галереи продавались картины современных живописцев, в том числе и местных, чьи работы Эразм вывел на национальный уровень. Этажом выше были выставлены оригиналы давно почивших калифорнийских классиков и небольшая, но весьма серьезная коллекция постеров ар-нуво и ар-деко. Эти превосходные экземпляры шли по восемь, а то и десять тысяч за штуку.

Иногда Джеффи попадались постеры такого качества, что для перепродажи приходилось поднимать клиентскую базу Гиффорда, ведь только эти люди способны были дать за подобные находки нужную цену. В таких случаях Джеффи делил прибыль с владельцем галереи. Эразм был честный человек и страстно любил свое дело. Они с Джеффи быстро сдружились.

Теперь же Джеффи забеспокоился: как-никак у друга неприятности. Хотел перейти дорогу и узнать, в чем дело, но тут из галереи вышел Эразм в сопровождении двоих полицейских: руки заведены за спину и сцеплены наручниками, густые седые волосы перепачканы красным, а лицо – все в кровавых потеках, словно галерейщика ударили дубинкой по голове.

Фигурой Эразм – плечистый, крепкий, коренастый – напоминал Пабло Пикассо. В шестьдесят лет он смотрелся внушительнее, чем многие выглядят в тридцать пять. Сегодня, однако, плечи его поникли, голова упала на грудь, и вид у него был как у человека, проигравшего последний бой.

Джеффи видел его таким впервые в жизни. Он даже охнул от изумления, но тут же напомнил себе, что на самом деле этот мужчина – двойник его друга, обитатель параллельного мира. Трудно было представить, что такой хороший, надежный человек, как Эразм, в другой жизни – даже под давлением обстоятельств – мог пасть столь низко, что его арестовала полиция. Но исключать этого было нельзя. Тем не менее Джеффи взял Эмити за руку и шагнул к краю тротуара, намереваясь перейти дорогу, но тут же застыл на месте. Следом за полицейскими из галереи вышел человек в черной форме и черной вязаной шапочке.

– Еще один, – прошептала Эмили, словно опасалась, что ее, несмотря на гул моторов, услышат на другой стороне улицы. – Не нравятся мне эти парни. И не только из-за уродских нарядов. Они как тараканы в человеческом обличье, только наоборот – все время лезут на видное место, причем в самый неожиданный момент.

Этот человек-таракан выглядел более грозно, чем особь, донимавшая их в библиотеке. Шесть футов два дюйма, двести фунтов живого веса. В руках у него была усовершенствованная версия полицейской дубинки, что-то вроде японской тонфы. Должно быть, ею он и стукнул Эразма по голове. Лицо у человека было круглое и плоское, не хватало лишь надписи «вар-

вар» на лбу. Возможно, такая надпись у него была, но скрывалась под отворотом облегающей вязаной шапочки.

Полицейские не стали усаживать Эразма в патрульный автомобиль. По указке варвара – он определенно был тут за главного – пленника препроводили к черному фургону. Из него выскочил еще один человек-таракан, схватил Эразма и грубо запихнул его в машину.

– Пап, он на нас уставился, – предупредила Эмити.

Варвар с дубинкой стоял у дороги, между фургоном и патрульной машиной, и внимательно смотрел, как отец с дочерью наблюдают за арестом хозяина галереи. Наверное, по социальным нормам здешних мест граждане не должны были обращать внимания на подобные сцены, а у слишком любопытных могли возникнуть проблемы. До Джеффи дошло, что ни один водитель, проезжая мимо, не сбавил скорость, чтобы посмотреть, что тут творится.

– Глаза вниз, – сказал Джеффи, – как будто на тротуаре что-то интересное. И вперед, вон до того перекрестка.

Хоть он и не был знаком со здешним Эразмом Гиффордом, бросать его в беде было как-то неправильно. Но нужно думать об Эмити. Судя по всему, они оказались в авторитарном или даже тоталитарном государстве, и разумнее всего будет не лезть на рожон, пусть даже такое разумное поведение смахивает на трусость.

Они с Эмити продолжили путь на юг. В конце квартала перешли дорогу, и только тогда Джеффи рискнул оглянуться. Мигалка патрульного автомобиля раскрашивала тусклый день ритмичными красными всполохами. Обе машины отъехали от обочины и направились вниз, на север.

– Отныне не отходи от меня ни на шаг, – предупредил Джеффи. – Ни в коем случае. Всегда будь на расстоянии вытянутой руки.

19

Должно быть, птицам наскучило летать в этой серости, и они вернулись в свои гнезда.

Ветер стих. Небо затянуло еще сильнее. Джеффи никогда еще не видел таких тяжелых туч. Казалось, из них вот-вот хлынет свинец.

В жилом квартале царила необычайная тишина. Никто не выходил во двор, не возился по хозяйству. Такое чувство, что дома по большей части были пусты.

Джеффи подумалось, что его окружает не воздух, а какое-то плотное вещество – словно он, ныряльщик, пытается достать до дна, а вода выталкивает его на поверхность.

В отличие от большинства зданий Суавидад-Бич, дом на Вишневой улице не был оштукатурен. Не был выдержан ни в мексиканском стиле, ни в стиле крафтсман, ни в стиле модерн, ни в псевдотосканском ключе, ни в современном, менее броском. В Южной Калифорнии таких домов почти не бывает: двухэтажное здание, обшитое белой доской, с зелеными ставнями на окнах. В любом ситкоме 50-х и 60-х годов прошлого века семья главных героев жила именно в таком доме. Глядя на него, ты понимал, что жильцы друг в друге души не чают, часто смеются, а их незначительные проблемы – если у них вообще есть проблемы – решаются за тридцать минут эпизода, аккуратно к рекламной паузе.

Кирпичная дорожка-«елочка» вела к кирпичным же ступенькам на веранду из того же кирпича, пристроенную к дому во время ремонта – через много лет после того, как был возведен сам дом. Раньше здесь была бетонная дорожка и невзрачное крыльцо. Как только Джеффи увидел все эти кирпичи, его накрыло волной сентиментальных воспоминаний. В его родном мире (очевидно, и в этом тоже) кладку делал его отец. Поскольку было лето, шестнадцатилетний Джеффи нанялся ему в помощники. Здесь он впервые увидел пятнадцатилетнюю Мишель Джеймисон и тут же сделался ее тайным обожателем. Джеффи был стеснительный парень, очарованный стариной, а Мишель, весьма жизнерадостная девушка, совсем не интересовалась прошлым. Она любила современную музыку, новые фильмы, писала песни и собиралась стать хозяйкой своей судьбы. Тем не менее, оглядываясь назад, Джеффи так и не смог понять, почему ему понадобилось целых четыре года, чтобы набраться храбрости и пригласить Мишель на свидание.

Держа Эмити за руку, он поднялся по кирпичным ступеням, подошел к входной двери и застыл. От всплеска былой любви заколотилось сердце. Наконец Джеффи нажал на кнопку звонка.

– Ее фамилия по-прежнему Джеймисон. – Эмити стиснула его ладонь. – Она так и не вышла замуж.

– Может, не вышла. А может, вышла. Откуда нам знать, как сложилась ее жизнь в этом мире?

– Я на нее слегка похожа. Как думаешь, она поверит нам, если заметит это сходство? Поверит, что где-то есть мир получше этого? Отправится с нами домой?

– Чем больше хочешь, тем меньше получишь, – напомнил Джеффи. – Так что давай-ка поспокойнее.

Эмити отпустила его руку и вытерла ладони о джинсы.

Дверь открылась. На пороге стояла Мишель Джеймисон. Последние семь лет сказались на ней сильнее, чем ожидал Джеффи: худоба, печать бедности на лице, морщинки в уголках глаз и что-то новое во взгляде – пожалуй, смирение и усталость от жизни, – но Мишель все равно была красивее любой красавицы на свете.

Она озадаченно посмотрела на Эмити, словно лицо девочки и впрямь показалось ей знакомым. Подняла глаза, но Джеффи определенно не узнала.

– Чем могу помочь?

Пару секунд он искал подходящие слова. Семь лет тоски, сожалений, угрызений совести... Неудивительно, что он лишился дара речи. Джеффи не перестал любить Мишель, но со временем чувство это улеглось и потускнело. Теперь же любовь нахлынула на него с прежней силой. Он страшно хотел обнять жену, но не мог себе этого позволить – не в этом мире, где они не занимались любовью, не поженились, где Мишель не родила ему дочь.

– Вы, наверное, меня не помните, – сказал он, не узнавая собственного голоса. – Я Джеффи Колтрейн. Восемнадцать лет назад мы с отцом и его бригадой сделали вам кирпичную дорожку, сложили крыльцо и вымостили патио. Мне было шестнадцать.

Из тени за спиной у Мишель вынырнуло бледное мальчишеское лицо. Мальчик выглядел ровесником Эмити. Волосы у него были черные как смоль.

– Мама?

Он стоял рядом с Мишель, но вовсе не был похож на нее. Судя по позе и выражению лица, этот парнишка был слишком высокого мнения о себе. Поджав губы, он смерил гостей презрительным взглядом.

На мальчике были коричневые ботинки, брюки цвета хаки и такая же рубашка. На нагрудном кармане нашивка – волк с горящими желтыми глазами. На плечах эполеты. Похоже, рубашка была форменная.

– Мама, что это за люди?

– Этот мужчина говорит, что когда-то делал у нас кладку. Но так и не объяснил, зачем пришел.

– Я Эмити. – В дрожащем голосе девочки слышалась буря эмоций, и Джеффи подумал, что мать с сыном наверняка сочтут такой тон неуместным. – Я Эмити, – повторила она, – и хочу лишь узнать...

– Эмити! – одернул ее Джеффи.

Но сейчас Эмити стояла лицом к лицу с матерью – по крайней мере, так ей казалось – и уже не могла остановиться: в конце концов, она ждала целых семь лет.

– ...что вы здесь счастливы. Что у вас все хорошо.

Мальчик склонил голову набок:

– С тобой все в порядке? Ты, часом, не сдурела?

– Руди, води себя прилично, – сказала ему мать.

Из тени появилась еще одна фигура – незнакомец, ровесник Джеффи.

Не обратив внимания на слова матери, Руди с подозрением смотрел на Эмити:

– Почему ты не в стае? По возрасту проходишь. Девочек сейчас тоже берут.

– Что за стая?

– «Волки Справедливости». А что, есть другие? Не тyani, вступай.

– Что случилось? – спросил мужчина из-за спины Мишель.

– Деннис, это мистер Колтрейн, – ответила она. – Говорит, что они с отцом делали здесь кирпичную кладку, когда папа затеял ремонт.

– Ага, я его знаю, – сказал Деннис. – Он сын Фрэнка Колтрейна. То-то, думаю, знакомое лицо.

В каждой новой фразе – ловушка, и угодить в нее проще простого, достаточно лишь сказать что-то не то. Но Джеффи решил, что пора объясниться.

– Я... я хотел, чтобы Эмити взглянула на работу старика. Зря мы вас потревожили. Просто я подумал, что... – И он умолк, не зная, как закончить предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.